

ОГОНЁК

№ 47 НОЯБРЬ 1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПЕРЕКУЕМ МЕЧИ НА ОРАЛА

Массовая песня
Музыка А. НОВИКОВА.
Стихи Вл. ГУРЬЯНА.

«Долой войну!» — так Партия
сказала.
«Нам нужен Мир!» — так Родина
сказала.

Припев.

Перекуем,
Перекуем,
Перекуем мечи на орала! } 2 раза.

Мы кузнецы, хозяева металла.
Ковать мечи уметь нам хватало.

Припев.

Зовут гудки Кузнецка и Урала,
Чтоб вся земля за нами
повторяла...

Припев.

Чтоб ни одна жена вдовой не стала
И сыновей на смерть не посылала.

Припев.

Чтоб детвора в сраженья не играла
И никаких тревог она не знала.

Припев.

Чтоб шар земной война
не растерзала,
Решит весь мир во что бы то
ни стало:

Припев:

Перекуем,
Перекуем,
Перекуем мечи на орала! } 2 раза.

На первой странице обложки: ТУНИС. Вверху слева: сборщики альфы — травы пустыни. Вверху справа: сбор дынь в колхозе «Москвич», Ленинобадского района, в Таджикистане. Фото И. Тункеля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

47 (1692)

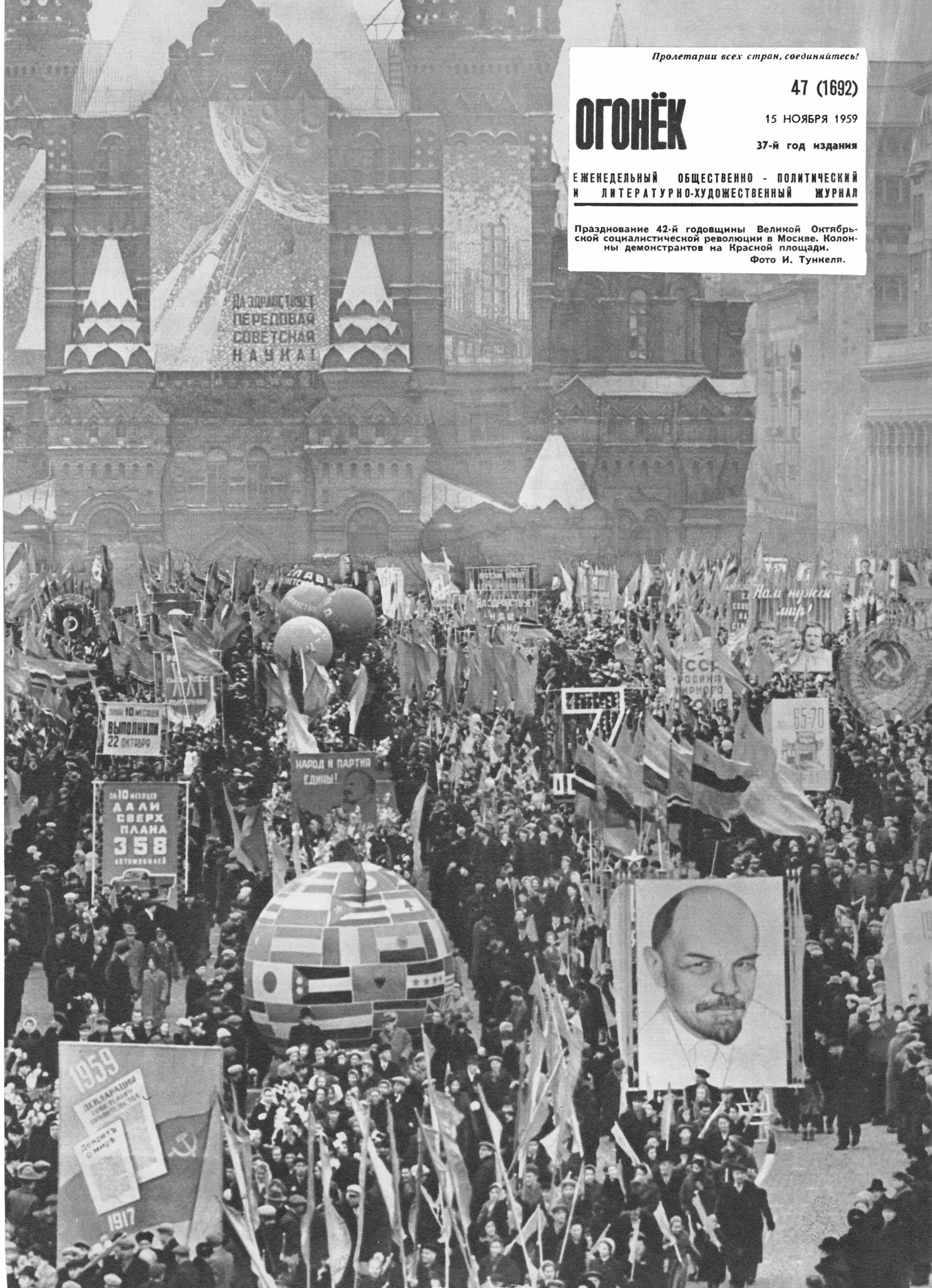
15 НОЯБРЯ 1959

37-й год издания

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

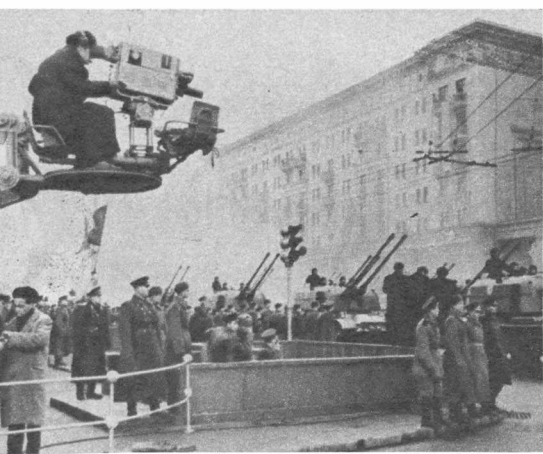
Празднование 42-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в Москве. Колонны демонстрантов на Красной площади.
Фото И. Тункеля.

7 ноября в Кремле. Товарищи Д. С. Полянский, П. Н. Поспелов, А. Н. Косыгин, Н. А. Мухитдинов, Е. А. Фурцева, Ф. Р. Козлов, Н. Г. Игнатов, А. И. Микоян, Н. С. Хрущев, О. В. Куусинен, К. Е. Ворошилов, Л. И. Брежнев, А. Б. Аристов, М. А. Суслов, А. И. Кириченко, Н. М. Шверник перед выходом на трибуну Мавзолея.

Оператор Московской студии телевидения ведет передачу.
Фото Ю. Кривоносова.

Таллин. Колонна идет за колонной.
Фото В. Горбунова (ТАСС).

Баку. В праздничных рядах.
Фото Ю. Рахила и Я. Халилова (ТАСС).

ВСЕНАРОДНОЕ ТОРЖ

Парад войск на Красной площади.

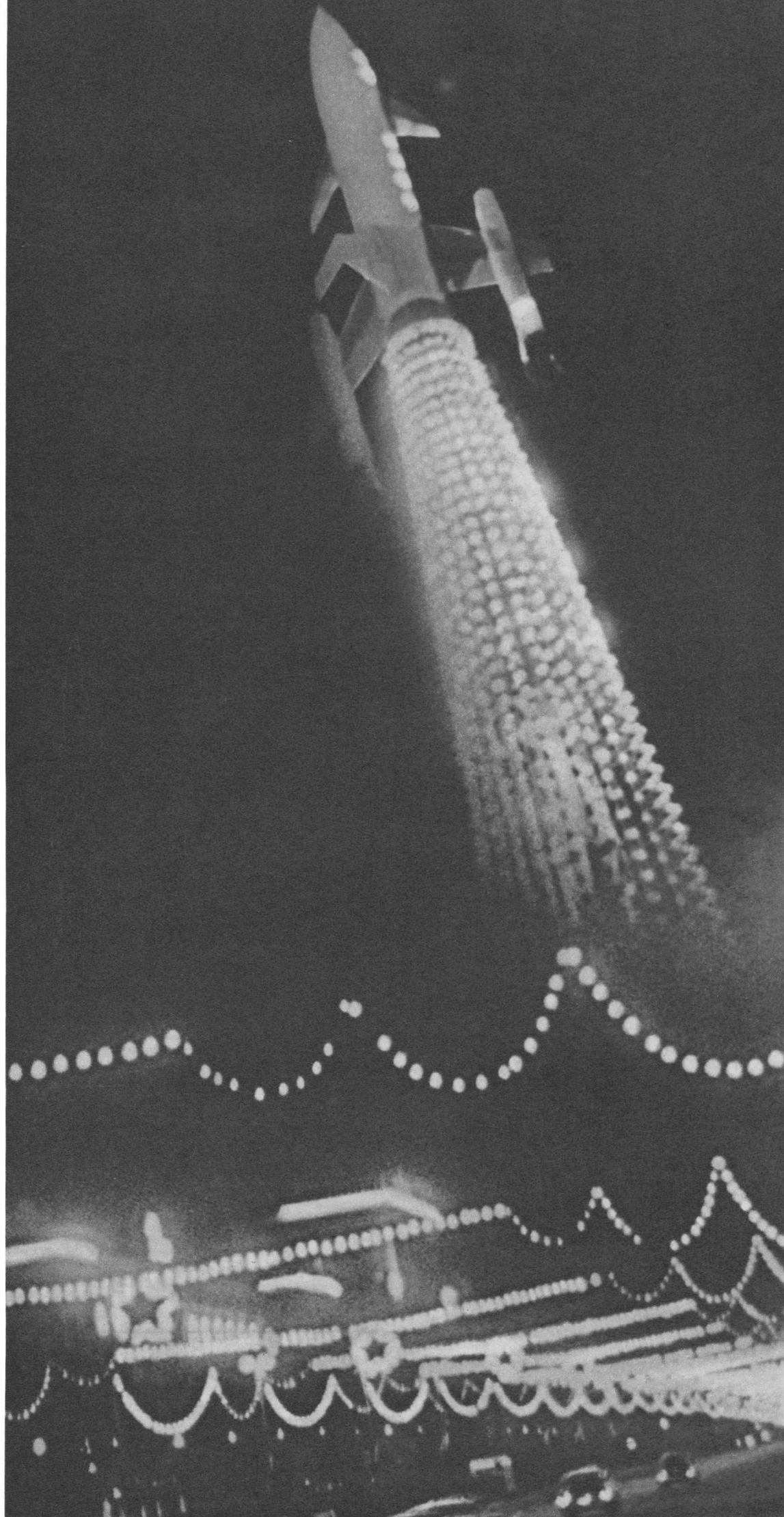

Фото Дм. Бальтерманца.

Ленинград. На Дворцовой площади.
Фото В. Киселева.

ЕСТВО

Вечером 7 ноября на Ленинградском проспекте в Москве. «Старт космической ракеты».
Фото А. Костромичева.

КОГДА ПОЮТ ХЛЕБА

Иван РЯДЧЕНКО

Рисунок А. Лурье.

В газете дали мне командировку.
Маршрут не нов и тема не нова.
Сказал редактор:
— Нужно зарисовку,
ведь завтра начинаются жнива.
И вот шагаю по полю с блокнотом.
Грузовики торопятся, пыля.
Хлеба шумят и бредят обмолотом.
От духоты потрескалась земля.

Случайный спутник, почтальон колхозный,
подводит за рога велосипед.
— Прислушайтесь, хлеба поют... Серьезно!
Заметьте, песни задушевней нет...
Я напрягаю слух, но бесполезно:
на землю шорох сыплют колоски.
Смеюсь в душе: какая ж это песня?
Ей-богу, есть на свете чудачи!
Я растираю колосок в ладони.
А жаворонок тает в вышине.
И вдруг далекий перелив гармони
по гребням ржи доносится ко мне.
Он то звучит, то снова замирает.
В нем сквозь веселье вспыхивает грусть.
В поре уборка...
Кто же там играет?
С похмелья, что ли, жарит наизусть?..

Служитель почты в кепке волокнистой
лукавинкою блещет из-под века:
— Не знать о нашем Пашке-гармонисте?
Да ты не с Марса, милый человек?..

Что ж, повод есть!
Садимся у дороги,
друг другу папиросы подаем.
Колосья тихо кланяются в ноги
и шелестят о чем-то о своем.

— Вплетет в фуражку белую ромашку,
за руль — и только пение да свист.
У нас в колхозе все хвалили Пашку —
заметь, он был отменный тракторист...
Ты примечал на зарослях бурьяна
колючие, но яркие цветы?
Как те цветы, была полна Марьяна
влекущей, но жестокой красоты.
По вечерам над Бугом в верболозе
вдвоем их люди стали замечать.
И стали поговаривать в колхозе,
что загс готовит круглую печать...
Хлеб-соль и петушков на полотенце
уже носили сваты-усачи...
Но тут в наш край ворвались чужеземцы —
мосты и хаты вспыхнули в ночи,
взметнулись взрывы дымными кустами,
зарылся в пыль веселый каравай,
помчались танки с черными крестами,
и сгорбился от горя урожай...
Тогда Марьяна к Пашке прибежала,
дрожа, поцеловала в первый раз:

война, мол, нашей свадьбе помешала,
но нет мне света без любимых глаз.
Три дня продлился месяц их медовый.
Согнал селян на площадь комендант
и заявил:
«Я есть порядок новый.
Ви завтра все косить на фатерлянд...»

Уже вторые петухи пропели.
Дышала рядом теплая жена,
а Пашка все ворочался в постели,
глядел на рамку смутного окна.
Потом напился ледяной водички,
сказал «прости», на спящую взглянул,
достал в подвале керосин и спички
и к полю осторожно завернул.
Он миновал посты сторожевые.
Птиц не вспугнул, не наступил на сук.
Вошел в хлеба...
Колосья, как живые,
доверчиво касались добрых рук.
Но вспомнил он, кто жаждет этих злаков,
кто топчет милый васильковый луг,
колосьям поклонился
и заплакал,
и зубы сжал...
И огненный петух
пошел гулять по высохшему хлебу,
да так гулять, что стало жарко небу,
что темнота отхлынула с пути!..

Но Пашка от врага не смог уйти.
Ему записать проводом стянули.
А комендант на выдумки был лих:
взял два патрона новеньких
и пули
неторопливо вытащил из них.
О, этот комендант работал чисто!
Сказал:
«Зер гут. Ти есть не пахарь впредь!»
И порох выжег очи тракториста,
чтоб никогда на хлеб им не смотреть...
Не знаю, где взялась у Пашки сила:
он сам прошел до хаты полсела.
Марьяна на дворе не голосила,
бледна, но так же холодно-красива,
безмолвно Пашку в хату завела.
«Ты обо мне подумал ли хоть малость? —
Злость закипела в ней, как в казане. —
Ты хочешь, чтоб без хлеба я осталась?..
Так знай же, что слепец не нужен мне!»
Вещички в торбу — и долой из хаты
и в тот же час покинула село...

Опять поля на урожай богаты.
Быльем, заметь, бывшее поросло.
Прошла война.
Случалось, пил наш Пашка:
жалели люди, подносили всласть.
Ой, как порой ему бывало тяжело!..
Да степь родная не дала пропасть.

Однажды в пору тракторного гула
он взял гармонь и растянул меха.
Его с бригадой в поле потянуло,
где старый пар взрывали лемеха.
Он заиграл. Пошла за нотой нота
про чорни очи да про журавлей.
И незаметно спорилась работа —
оно с гармошкой все же веселей.
С тех пор, заметь, его гармошка с нами.
Она поет про счастье, про любовь.
А он глядит незрячими глазами
и слышит шорох вызревших хлебов...
Такая была. Однако заболтался!
Мне с письмами поспеть бы на обед...

Мой спутник неожиданно поднялся,
взял снова за рога велосипед.
Парил орел над полем неподвижно.
Звучала грусть.
Светился небосклон.
— А о Марьяне ничего не слышно?
Сердито хмыкнул старый почтальон.
— Ей жизнь, заметь, никак не улыбнулась.
С другими тоже наломала дров.
Дней десять будет, как в село вернулась...
— А он?
— Что он?.. Играет. Будь здоров!

И почтальон, насупившийся, строгий,
вскочил в седло и закрутил педаль.
Вздыхнул я и побрел своей дорогой.
Мне в новом свете открывалась даль.
Хлеба стеной стояли небывалой.
Навстречу в колебаниях духоты
шла женщина уже слегка привялой
и все еще жестокой красоты.
Дредноутами в дымке беловатой
комбайны проплывали сквозь жнива.
Как дальний порт, маячил элеватор.
Зерно текло ручьями в кузова.
Зерно текло.
Поток его шершавый
был нескончаем, словно жизнь сама.
Зерно, как золотая кровь державы,
могуче наполняло закрома.
Перепела кидались в грудь сослепу.
Лучился жатвы солнечный огонь.
А где-то в поле радовалась хлебу
и временами плакала гармонь.
Прохожая прислушалась к гармонисту.
Тревожно зашептались колоски.
И женщина вдруг краешком ладони
смахнула каплю с дрогнувшей щеки
и вся поникла, как побитый колос...
А та гармонь звучала, как судьба.
И я пошел на этот ясный голос —
и вдруг услышал,
как поют хлеба!

Село Гайворон,
Кировоградской области.

ЛЕТО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Фото О. Кнорринга.

Сколько съедает Москва овощей? Тонны? Десятки тонн? Вагоны? Вот и ошиблись. Горы. Представьте себе необычные горы рассыпчатого картофеля, белой, хрустящей капусты, оранжевой моркови, темно-вишневой свеклы и шелестящего своими «пергаментными» чешуйками лука... Если перевести горы на скупой язык цифр, то получится: 2 тысячи тонн картофеля, 2 тысячи тонн капусты, по двести тонн моркови и репчатого лука, 150 тонн огурцов и помидоров... И это только за один день! В тот же «средний» осенний день прошлого года картофеля покупалось в магазинах, например, в два

с лишним раза меньше. Значит, солидно развился аппетит москвичей к овощам. И еще один вывод можно сделать: сами овощи стали в магазинах получше...

А когда летом на московских площадях и улицах неожиданно появлялись, как грибы после дождя, цветастые пологи фруктов-овощных летучих базаров, то многие хозяйки и вовсе забывали дорогу на рынки. Зачем ходить или ездить за тридевять земель, когда тут же, под боком, возле дома, в котором живешь, или возле фабрики, на которой работаешь, можно купить все, что надо. Без очереди. Без лишних затрат времени и переплаты денег. И ничуть не худшее, чем на рынке.

В этом сезоне рынок вообще не выдерживал конкуренции с магазинами, конкуренции в хорошем смысле этого слова. Особенно с теми фирменными магазинами, которые прикреплены к подмосковным совхозам. Один из таких магазинов под номером 19 находится на Ленинградском проспекте, в большом доме у Стрельни. У него своя постоянная «клиентура» — люди, живущие в этом доме и в соседних. И хотя рынок отсюда не так далеко, всего лишь минут десять ходу, но покупатели редко бывают на нем. Разве эта тупоносая морковь тут хуже, чем на рынке? Каротель знаменитая нантская! Она и сладка, и сочна, и всегда свежа. Ведь привозят ее не раз в месяц и не раз в неделю, а почти каждый день, и в специальной таре. А темная и круглая, будто вылепленная по шаблону свекла? А лук такой зеленый, как только что с грядки? А капуста? Посмотрите только на эти кочаны, увесистые и твердые. Отличная капуста! Откуда ее привезли? С Украины или Белоруссии?

— Нет, это своя, подмосковная, вернее, нашего совхоза, — с гордостью говорят в магазине. — Кое-где был неурожай в этом году, засуха, а наши поля поливные. Им не страшна жара.

«Наш совхоз» — это совхоз имени Горького. Одно из тех хозяйств, которые по постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР год назад были превращены в специализированные — по выращиванию овощей для столицы.

...Мелькают за стеклом машины поля, оголенные, с пожухлой травой или густо-черные после осенней вспашки. Пусто сейчас на полях. Зато полнятся до отказа хранилища. Вот железобетонное длинное, как ангар, строение. Один за другим въезжают под его своды грузовики с капустой. Здесь «московская поздняя» может лежать долго, до весны. А рядом, в другом ангаре, морковь. Она мерзлячка, и поэтому хранилище, чтоб моркови было теплее, сделано из дерева. Ангар разбит на отсеки, и в каждом отсеке в строгом порядке, под линейку, поднимаются усеченные пирамиды из моркови и песка. Морковь переложили песком, чтобы она не теряла своей сочности. Ведь всякая хорошая хозяйка знает: та морковь свежее, которая в земле. Жители Стрельни и Ленинградского проспекта, возле Аэропорта, могут быть спокойны: совхоз обеспечивает их магазин хорошей морковью и зимой и весной. И морковью, и свеклой, и капустой, обыкновенной и красной, и редькой, и разной зеленью к столу. В совхозе ведь выращивалось до двадцати восьми наименований различных овощей. Шестнадцать видов появились в минувшее лето впервые. И среди них такие изысканные, как артишоки и кольраби, салаты и цветная капуста... Словом, все, кроме

В магазине № 19.

картофеля. Картофель совхоз «не производит».

А претензии москвичей больше всего относятся именно к этой всемирно любимой культуре. Хорошо, если картошка расфасована в пакеты. Тогда можно рассчитывать на ее качество. А если в развес? Много битой, резаной, мелкой. «Идет прямо с поля», — объясняют продавцы. «Некому перебирать», — оправдываются совхозные работники. И тогда остается одна только надежда — на базу. На те огромные промежуточные пункты хранения, которые лежат на пути овощей с поля в магазин.

Можно не сомневаться, что картофель, перебранный, проверенный и засыпанный в специальные контейнеры, сохранится надолго и к нему не придерется даже самый строптивый потребитель. Так по последнему слову техники, с применением машин подготавливается

картофель на зимнее хранение во 2-й резервной базе Москвы. Тут не только картофель и овощи: здесь приготавливаются различные маринады и соленья, здесь квасят капусту и засушивают фрукты. И над низкими кровлями приземистых складов струится аромат пряностей и трав.

А за десятки километров отсюда, под стеклянными кровлями теплиц Подмосковья, зреет новый урожай. Стеной стоит густая петрушка, и сельдерей, и различные луки. С ветвей тяжело свисают зарумянившиеся помидоры.

— Зелень будет все время, до весны, — говорит директор совхоза имени Горького Н. Н. Кириченко.

Видимо, понятие сезонности здесь утрачивает свой смысл. Хотя по всем приметам быть уже зиме, а лето в подмосковных совхозах и в магазинах этих совхозов продолжается!

В контейнерах не хрупкие яйца, а картофель.

Разве откажешься от такого салата?

Прежде чем отправить капусту в город, в совхозе имени Горького снимают зеленые листья.

Чемпион СССР — команда «Динамо». В первом ряду: начальник команды Евгений Фокин, Владимир Кесарев, Виктор Царев, Лев Яшин, Анатолий Коршунов, старший тренер команды Михаил Якушин. Во втором ряду: Константин Крижевский, Борис Кузнецов, Валерий Короленков, Дмитрий Шаповалов, Игорь Численко, Генрих Федосов, Александр Соколов, Валерий Урин, Алиппер Мамедов.

МОСКОВСКОЕ «ДИНАМО»

Фото А. Бочинина и Л. Доренского.

МАСТЕРА НАСТУПАТЕЛЬНОГО ФУТБОЛА

М. МЕРЖАНОВ

Долгий, часто прерывающийся, клочковатый турнирный путь команд, естественно, нарушил обычную ритмичность чемпионата. Это повлияло на планомерное «вхождение в форму» игроков и, конечно, команд.

Может быть, поэтому некоторые коллективы «срывались» с темпа и теряли поступательную скорость, а затем уже не могли наверстать упущенное.

Так или иначе, а в солнечный день 8 ноября на Центральном стадионе имени Ленина состоялся матч, который должен был наконец определить, кто же имеет больше прав на титул чемпиона страны. С одной стороны, выступили московские динамовцы, неоднократно владевшие этим титулом, а с другой — «Локомотив», который ни разу не занимал первого места в чемпионате.

Турнирное положение позволяло динамовцам играть спокойно, ибо у них в запасе было два очка. Железнодорожники же должны были обязательно победить, чтобы сравнять очки, а затем уже выходить в последний бой.

...Итак, московская команда «Динамо» в девятый раз восходит на пьедестал почета.

Если внимательно всмотреться в турнирную таблицу, то можно увидеть, что, начиная с дней старта — в апреле — и кончая последними состязаниями, московские динамовцы ни разу никому не уступали лидерства. В начале тур-

нира у них «на бутсах» сидели игроки «Зенита», во втором круге к лидеру близко подошел «Локомотив», а одно время и молодые ростовские спортсмены из СКВО.

Временами динамовцам было тяжело подниматься к вершине чемпионата, и тогда они включали «третью скорость», и не дали себя обойти.

Успех новых чемпионов нужно объяснить прежде всего прочным «футбольным фундаментом», который заложен в основе этой команды: хороший, ровный, физически подготовленный ансамбль, ясные тактические цели и высокая техника, дающие возможность довольно точно выполнять поставленную перед коллективом тактическую задачу.

Хочется отметить хладнокровие тренера московских динамовцев Михаила Якушина, который устоял перед ураганными ветрами, подувшими из Швеции прошлым летом, и оказался верным своим старым принципам наступательного футбола. Именно это помогло ему создать комбинационную игру, полную красивых, острых атак. Несмотря на то, что динамовцы не вводили системы «четыре защитника» и прочих «систем» так называемой массовой обороны, в их ворота за двадцать два матча влетел только двадцать один мяч. Ни одна другая команда не смогла добиться такого оборонительного успеха. Победители доказали, что

Генрих Федосов забил последний, решающий гол. Болельщики качают героя матча.

защищаться нужно не числом, а умением.

Мне кажется, что лучшим лозунгом для динамовцев был бы лозунг «Ворота на замок, вперед к чужим воротам!».

Если защита и полузащита чемпионов состояли из опытных футболистов, то в линии нападения тренер время от времени вводил

А. Коршунова, В. Короленкова и И. Численко — игроков, дарование которых убедительно выявилось и дает основание в будущем увидеть в них первоклассных футболистов.

Особо хочется отметить безупречную игру Льва Яшина. Она, конечно же, сыграла большую роль в «оборонительном рекорде».

НА ПЬЕДЕСТАЛЕ ПОЧЕТА

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ТУРНИРНОЙ ТАБЛИЦЫ

Юр. ВАНЬЯТ

...Бледный, обхватив руками голову, Борис Кузнецов, как подкошенный, упал на холодную, сырую траву. Справа от него в таком же отчаянии рухнул на землю Константин Крижевский.

Это произошло в прошлое воскресенье. Шла 79-я минута матча московских команд «Динамо» и «Локомотив» на Центральном стадионе имени В. И. Ленина.

Да, было отчего схватиться за голову: ничья, дававшая динамовцам золотые медали, из-за трагической ошибки ветерана команды Бориса Кузнецова, забившего мяч в свои ворота, обращалась в поражение, а стало быть, в повторный матч «со многими неизвестными»...

выиграла у чехословаков и венгров. Но ее резерв — олимпийская сборная — выступал слабо, вселив в нас тревогу за будущий чемпионат мира. Ведь не вечно же будут выходить на футбольное поле Яшин, Нетто, Войнов, Ильин, Кузнецов!

С этой точки зрения итоги первенства страны весьма поучительны. В самом деле. Чемпионом стало «Динамо». Как и полагается настоящему чемпиону, у команды наибольшее количество побед и наименьшая цифра поражений. Но не секрет, что во втором круге лидер выглядел порой весьма бледно и набрал на пять очков меньше, чем в первом. Нынешний

Эх, Маслаченко, Маслаченко!..

Но на 84-й минуте быстрая комбинация того же Кузнецова с Генрихом Федосовым и неразумный выход из ворот железнодорожников их стража Владимира Маслаченко снова вернули динамовцам «золотистый вид». Со счетом 1:1 «бело-голубые» в девятый раз обеспечили себе почетное звание чемпиона в своем последнем матче XXI розыгрыша первенства страны.

Поздравив коллектив с большой победой, мы зашли в раздевалку «Локомотива». Здесь также было весьма оживленно, и, за исключением опечаленного вратаря, мы не видели хмурых лиц. Дело в том, что «Локомотив» впервые в истории команды получил место вице-чемпиона и право на серебряные жетоны.

Что касается бронзовых жетонов, их придется везти в Тбилиси, чтобы вручить местным динамовцам. После длительных лет серьезных неудач и даже провалов эта команда возродила свою репутацию одной из сильнейших в стране.

Радует итоги сезона и еще одна команда — ростовская. «Новички с берегов Дона» за полгода хорошо «обжились» в классе «А», а на финише изрядно пугали самых маститых участников первенства.

...Каковы же общие итоги чемпионата? В коротком обзоре нет возможности подробно проанализировать все более чем семимесячные перипетии борьбы наших сильнейших команд.

Довольны ли любители футбола нынешним сезоном в целом? Внес ли он явное улучшение в игру первого эшелона советского футбола после прошлогодних неприятных воспоминаний о шведской и британской поездках нашей сборной? К большому сожалению, думается, что нет.

Правда, первая сборная СССР

чемпион набрал самую малую за последние годы сумму очков (31) и не оказался самой результативной командой.

Конечно, чемпионом случайно не бывают. И заслуга динамовского коллектива в его собранности, целеустремленности, настойчивости. Тренеры М. Якушин и В. Блинков хорошо маневрировали резервами. Наряду с ветеранами-защитниками мы увидели молодых, подающих хорошие надежды, нападающих вроде Коршунова, Численко, Урина, Шаповалова, Короленкова (правда, последний является «универсалом», как и Ю. Ковалев из «Локомотива»). И, конечно, «игроком № 1» не только по номеру на фуфайке, но и по классу, значению в коллективе, опыту остается в команде Лев Яшин.

«Локомотив», доказавший, что его успехи зиждились не только на опыте Б. А. Аркадьева, очень ровно провел чемпионат, показав хороший «коэффициент полезного действия» нападающих при доста-

Локомотивцы уходят с поля понурыми. А напрасно! Они добились большого успеха и получили серебряные медали.

Мяч в игре.

точно надежной обороне. Лишь однажды в матче с новым чемпионом он потерпел фиаско (1:7). Но в то же время, когда «Локомотив» должен был явиться косяком новой олимпийской сборной, именно этот матч (в Софии) принес нам единственное, но весомое поражение.

К слову сказать, почетная обязанность бороться за поездку в Рим в начале сезона лежала на игроках «Зенита» и команды ЦСК, составивших основу олимпийской сборной. Действительно, защитники армейского коллектива и зенитовское трио (Завидонов, Дергачев, Батанов) весной выглядели бодро. Но достаточно посмотреть на итоги второго круга, чтобы увидеть, как «скисли» обе эти команды.

Не удивительно, что, заняв в 1958 году отличные III и IV места, обе команды ныне оказались лишь во второй шестерке.

Героями сезона, безусловно, были две южные команды — ростовская и тбилисская. Что касается ростовчан, то, поздравляя их с большим успехом, хочется в то же время охладить пыл некоторых торопливых любителей спорта, которые за способностями Мосалева, Понедельника, Черткова, Одинцова не замечали серьезных погрешностей в игре защитной линии.

«Торпедо» перебралось на не-

сколько ступенек выше. Обращает на себя внимание, что автозаводцы добились лучшего успеха в игре оборонных линий, не пропустив в девяти матчах ни одного гола. Это особенно приятно, ибо все шесть игроков «осеннего» состава защиты очень молоды. Что касается нападения, то его еще до сих пор «лихорадит». Если б лишь один Юрий Фалин использовал все те «верные» моменты вблизи чужих ворот, которые он имел, команда наверняка имела бы очков на пять и голов на десять больше!

Пожалуй, ни одна команда не вызвала в этом сезоне столько толков и разговоров, сколько «Спартак». Действительно, надо же было ухитриться растерять за полгода весь богатый призовой шкаф: трофеи за первенство, кубок, чемпионат резервных составов, приз имени Федотова, призы «Труда» и центрального Совета «Спартака». Остались верны себе лишь юноши, снова завоевавшие всесоюзные лавры, и московский клуб, выигравший чемпионат столицы и кубок СССР для коллективов.

Конечно, тот факт, что во втором круге команда набрала вдвое большее количество очков, чем в первом, весьма примечателен и может обнадеживать сторонников коллектива. Но в линии нападения, за исключением юного Амбарцумяна — этого «Сальникова № 2», — мы не увидели молодых интересных игроков.

Ровно, но бесцветно провели сезон ниевляне. Они так же, как и «Спартак», переживали кризис смены составов. Сезон показал, что такие игроки, как Гаваши, Турянчик, Лобановский, Сабо вместе с Войновым, способны вернуть лучшей команде Украины ее изящную и в то же время острую игру.

«Молдова», «Шахтер», «Крылья Советов» с трудом сдерживали натиск остальных соперников, жаждавших отобрать очки у этой «зубастой» тройки. И особенно тщательно «замыкающие» считали очки друг друга, ибо что ни говори, а в любом чемпионате кто-то должен быть последним. А само собой разумеется, что никому и никогда этого в спорте не хотелось.

В Вашингтоне на концерте советской музыки: Т. Хренников, К. Данькевич, Д. Шостакович, Б. Ярустовский
Фото Ассошиэйтед пресс.

СОВЕТСКИЕ КОМПОЗИТОРЫ В США

С огромным успехом проходят в различных городах Соединенных Штатов Америки концерты советской музыки. Этими концертами американские музыканты как бы приветствуют делегацию советских композиторов, которая находит сейчас с визитом в США.

В составе делегации композиторы Д. Шостакович, Д. Кабалевский, Т. Хренников, К. Данькевич, Ф. Амиров и музыковед Б. Ярустовский.

Они знакомятся с музыкальной и культурной жизнью Америки, посещают консерватории, школы, филармонии, театры, различные музыкальные организации, высту-

пают в концертах, встречаются с американскими музыкантами различных городов и штатов.

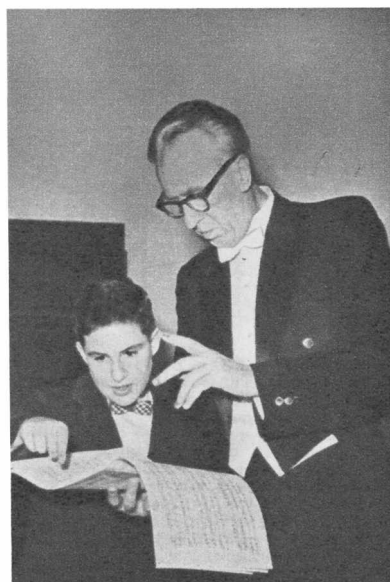
Приезд наших композиторов — в центре музыкальной жизни Америки.

После визита Н. С. Хрущева в Америке неизмеримо возрос интерес ко всему советскому.

Концерты с участием советских гостей проходят в лучших концертных залах Вашингтона, Луисвилля, Филадельфии, Нью-Йорка и других городов. Однако помещения не могут вместить всех желающих. Билеты раскупаются еще до приезда композиторов в города.

Поездка делегации советских композиторов в США является ответным визитом на прошлогоднее посещение нашей страны композиторами Америки.

За кулисами перед началом концерта Д. В. Кабалевский и четырнадцатилетний пианист, победитель конкурса молодых исполнителей 1959 года Эббот Раскин. Сегодня они исполняют Третий концерт Д. Кабалевского для фортепьяно с оркестром.

К. Д. Д. Шостаковичу
за автографами...

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ

БАТАЛИСТ

В. ТИХОНОВА

О легендарной Первой Конной армии написано немало литературных произведений, сложено песен, создано живописных полотен. Неотъемлемой страницей вечно живой повести о боевом пути советской кавалерии, о подвигах Первой Конной армии являются картины М. Б. Грекова, первого советского художника-баталиста, имя которого неразрывно связано с годами борьбы нашего государства за свое существование.

М. Б. Греков родился и вырос на Дону в трудовой крестьянской семье. Ему удалось получить художественное образование сначала в Одесском училище, а затем в Петербургской Академии художеств.

Гражданская война застала Грекова в родных краях, в Новочеркасске, где он преподавал рисование в школе.

С момента освобождения города от белых жизнь художника тесно связана с Красной Армией. Греков ведет кружки, обучает бойцов живописи, а в 1920 году и сам вступает добровольцем в ряды Красной Армии.

Встреча с руководителями Первой Конной армии К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным определила дальнейшее творчество Грекова.

Художник чаще всего писал картины о жарких схватках с врагом, об опасных переправах, о разведке, о подготовке к бою. Его произведения насыщены движением, дышат неудержимым порывом.

Солдаты революции у Грекова — это не безликая масса, а живые образы. Характер каждого передан в выражении лица, жесте, осанке. Греков много работал с натуры, писал пейзаж, этюды бойцов, которые становились героями его произведений.

Каждое полотно, посвященное событиям гражданской войны, наполнено романтикой, пафосом революционной борьбы.

Произведениям Грекова чужда парадная эффектность, надуманность, столь свойственные западной батальной живописи. Его картины — это жизнь, увиденная глазами художника-реалиста. Поэтому в картинах Грекова — будь то «В отряд к Буденному», «Ночная разведка» или «Тачанка» — мы чувствуем эпоху, видим живых людей.

Советская общественность отмечает 25-летие со дня смерти Грекова. Художник не только оставил своим потомкам ценные исторические документы эпохи гражданской войны, но и является родоначальником советской батальной живописи. Своими произведениями он как бы перекинул мост от реалистических традиций Ф. А. Рубо и В. В. Верещагина в наше искусство. Творчество Грекова заложило основу, на которой развивается искусство большой группы советских художников-баталистов, плодотворно работающих ныне в Студии военных художников имени М. Б. Грекова.

М. Б. Греков. ТРУБАЦЫ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ. 1934.

«Огонёк»

М. Б. Греков.
НОЧНАЯ РАЗВЕДКА.
1924.

Центральный музей
Советской Армии.

М. Б. Греков.
В ОТРЯД
К БУДЕННОМУ. 1923.
Государственная
Третьяковская галерея,

АЛКИНО МОРЕ

Виктор ЛОГИНОВ

Рассказ

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

Алкина мать все время говорила, что ее тетка, бабушка Сергеевна, живет на море, и каждое лето собиралась к ней в гости. Лишь в последнюю минуту ее удерживали какие-то неотложные дела, и она, на скорую руку распаковав единственный чемодан, уезжала налегке в ближайший дом отдыха. Полторы — две недели Алка жила под присмотром чужой женщины, ела манную кашу на воде, щедро поливала фикус, закрывающий вместо занавески окошко, и вечером запирала комнату на крючок и задвижку. Женщина, когда ей было нужно, просовывала в щель палец, без усилий освобождала из петли крючок и отодвигала ржавую задвижку...

Один раз утром, когда Алка еще спала прямо на полу, под фикусом, кто-то стал громко стучать в дверь.

— Маруся, Маруся! — настойчиво звал с улицы незнакомый голос.

— Тети мамы нет дома, — не открывая глаз, в полусне откликнулась Алка.

Ранний зов и дребезжание расшатавшей двери только потревожили ее сон, а тихий шорох около ног разбудил вдруг. Алка протерла кулаками глаза и увидела: рядом с ней стоит на коленях горбленная серая старуха с одним зубом. Испуганно ахнув, Алка отползла на четвереньках в угол и, дрожа, как зверек, спросила:

— Вы кто? Баба-яга?..

Серая старуха заплакала, призналась:

— Родная я тебе, Сергеевна. Слыхала про такую, Алинку?

— Сергеевна? — не совсем поверила Алка. — Которая на море?

— Она, она самая. Настоящая.

— Отчего же вы плачете?

— Как круглая сиротинка, на голом полу спишь... Где мать-то?.. Да что ты на меня смотришь как?..

Алка попросила:

— Спрячьте свой зуб, Сергеевна. Боюсь я вас.

— Меня все спервоначалу-то боятся: в землю от старости расту. А зуб этот — последний у меня спереди. Сбоку-то еще есть. — Старуха показала еще два зуба.

— Спрячьте, спрячьте! — потребовала Алка. Осторожными шажками она подошла к старухе, убедилась: — Вы не баба-яга, вы, конечно, Сергеевна.

— Синеглазенькая ты моя! — опять заплакала старуха.

Вечером вернулась Алкина мать. Ее провожал какой-то мужчина, хороший товарищ. Он торжественно протянул Алке конфету, а потом поднял Алку до потолка и поставил на пол.

— А мы к Сергеевне на море уезжаем, совсем, — сообщила Алка.

Мужчина равнодушно пожал плечами, протянул Алке вторую конфету и ушел, не согласившись выпить чаю.

Через день они уже ехали в комбинированном вагоне на юг, и вместе с ними ехал на верхней полке весь их багаж: чемодан, койка-раскладушка, три узла, детская ванна, обвязанная шалью, и примус.

Алкина мать все время говорила, что Сергеевна живет на море, но море только два или три просияло сбоку, когда они мчались на грузовике по берегу, а затем грузовик свернул влево и, вой от натуги, стал взбираться по петляющей дороге в гору. Потянувшись вокруг то низенький, то высокий лес, замелькали приземистые, крытые шифером хаты какого-то поселка.

— Вот и наша Криница! — весело вздохнула Сергеевна.

— Где же море? — спросила Алка.

— До моря далеко, десять километров.

Проехав еще немного, они остановились возле крайней хатенки, самой низенькой и старой; над ней зеленой неподвижной тучей нависло большое ореховое дерево. Из кабины выскочил шофер, весь коричневый, лицо и руки одного цвета, схватил чемодан, с грохотом поставил возле низенькой, игрушечной калитки, выбросил из кузова все остальное, протянул руку Алкиной матери, которая ехала с ним в кабине, сверкнул своими черными глазами и вскочил в кабину. Грузовик круто, на большой скорости, развернулся и моментально укатил под гору, тарахтя и подпрыгивая, как телега.

Алкина мать и Алка стали теперь южанками.

В бабкиной хате было прохладно и темно, как в норе, пахло сухой травой и сушеными фруктами, на белых стенах висели позеленевшие фотографии каких-то мужчин в папах и длинных, до пят, пальто, два расколотых зеркала, в которые тотчас же заглянула Алкина мать, бумажные цветы и разная старая одежда. Двор был чисто подметен и пуст, в нем можно было устраивать танцы и даже играть в футбол. Небольшую часть его заслоняло ореховое дерево, а все остальное пространство до самого огорода было ослепительно белым от солнца.

— Ну как, Маруся? — тихо спросила Сергеевна Алкину мать.

— Жить везде можно, — ответила та и, наклонившись к зеркалу, стала поправлять на висках светлые, с теплой рыжиной локоны.

Медицинская сестра по образованию, она устроилась на работу в морской санаторий. Каждое утро она вставала в пять часов и уходила из дому, а возвращалась только в сумерках. Иногда она дежурила две смены подряд, и тогда целый день спала, забыв стереть с губ помаду. Она быстро и очень ловко загорела на море: кожа ее тела от лодыжек до плеч стала не молочного-белой, как всегда, а золотисто-матовой, и когда она, отоспавшись, но еще дремотно поджимая зубами нижнюю губу и потягиваясь, выходила во двор, в меру высокая и стройная, в красных маленьких трусиках и таком же лифчике с белой тесемкой через шею, Алка с визгом кидалась к ней и кричала:

— Тетя мама, возьми меня на море, я буду такая же красивая!

— Куда уж тебе! И без моря хороша, — отмахивалась мать.

Она обмывалась из рукомойника по пояс, наряжалась, красила под цвет вишни губы, которые и без того были яркие, как сочные ягоды, загибала двумя пальцами ресницы и, помавав Алке ладонью, уходила в клуб.

— А дитенок? — кричала вслед ей Сергеевна. — За дитенком кто ухаживать будет?

Алка не понимала, почему бабушка сердится. Она привыкла жить без матери, целыми днями то играла во дворе с воображаемой партнершей в прятки, то копалась с бабушкой в огороде, то ловила стрекоз и бабочек и лишь время от времени вспоминала, что существует где-то море, синее и сияющее, не оторвешь глаз. Так и шла ее маленькая жизнь. Случались, правда, и события.

Дней через пять после приезда неожиданно заявился тот самый коричневый шофер, который вез их в Криницу из города. Алка бутылочным стеклом вскапывала посредине двора грядку. Шофер перешагнул через калитку, расставил ноги в широких, как лодки, сандалиях, сунул волосатые руки в карманы измятых, засаленных штанов, нахально сказал:

— Привет, пацануха! Как звать?

Алка встала, вытерла ладошки о короткое платье, тихо ответила:

— Алка.

— Алка-синеглазка?

— Нет. Просто Алка Самойлова.

— Так, так! — угрожающе сказал шофер и вслед за этим засмеялся, показывая белые, как фарфоровая чашка, зубы.

Алке хотелось убежать от него подальше, но она удержалась: увидела на голой руке, пониже локтя, синий якорек, решила спросить:

— Вы моряк, дядя?

— Ага, сухопутный.

— Сухопутных не бывает, моряки все морские.

— Бреши мне, разные бывают!

— А как вас звать?

— Вася Грек. Поняла?

— Поняла, — кивнула головой Алка. — Вася Грек, увезите меня на море.

— Ну да, возиться с тобой!.. Разговаривать как следует еще не умеешь.

Он окинул двор взглядом, словно выискивая что-то.

Алка вбежала на крылечко, закричала:

— Сергеевна, Вася Грек к нам через калитку перешел!

Показавшись из хаты, Сергеевна сурово спросила:

— Чего надо?

— Скучно живешь, старушка, — поморщился Вася Грек.

— Бога не гневаю.

— Марго-то не обижаешь?

— Про что это ты говоришь?

— Про квартирантку твою... Темная! — Вася Грек нагнулся и, вынув из ведра с холодной водой кринку молока, сунул в нее свой горбатый нос. — Козьим молочком-то Марго поиваешь?

Сергеевна молча ушла в хату, но не успел еще Вася Грек поставить кринку в ведро, как бабушка появилась снова с железной кочергой в руке.

— Убирайся, разбойник!

— Какой грозный вид! Как ты меня, старушка, напугала! — усмехнулся Вася Грек, дерзко плюнул, не спеша провел ладонями по майке на животе и удалился.

— А море я тебе устрою, пацануха, — бросил он на ходу.

— Он настоящий разбойник? — спросила Алка.

— Почти. Весь огород у меня, со своей Маргой катаясь на машине, вытоптал. А еще говорит: квартирантка ваша! Деньги не беру — какая же квартирантка?

На другой день Вася Грек подогнал к хате бабушки Сергеевны свой разболтанный «газик».

Алка видела, как шофер без лишнего разговоров, с помощью приятеля, которого он называл «Эй ты!», сбросил с машины железную ребристую бочку, деловито и быстро, сильно напрягая мускулы рук, подкатил ее к калитке, крикнул:

— Ты, ставим на попа!

Бочка была тяжелая, в два Алкиных роста, мужчины с трудом подняли ее; сверху, как на канистре, оказалась пробка. Вася Грек отвинтил пробку и сунул в отверстие свой нос.

— Полный порядок! — сказал он, невозмутимо шагнул во двор.

Алка ждала, что будет дальше.

Вася Грек подошел к кадушке, которую бабушка Сергеевна готовила под арбузы — «замачивала», как она говорила, — и опрокинул кадушку одной рукой. Вода хлынула на сере-

дину двора, сразу же покрываясь по краям корочкой пыли.

— Да ты что делаешь? — заголосила Сергеевна, выбегая на крыльцо.

— Вреда не сделаю, — ответил Вася Грек, толкая кадушку ногой.

Он легкими ударами ног подкатил кадушку к калитке, приказал:

— Эй ты, подай шланг!

Один конец резинового шланга он сунул в бочку, другой взял в рот, потянул со свистом и резко опустил в кадушку.

Пока вода из железной бочки переливалась в кадушку, Вася Грек, не обращая внимания на ругань Сергеевны, сел на камушек, принялся расчесывать свои черные кудрявые, слегка взмокшие от пота на висках волосы. Наконец он встал, отбросил шланг за калитку и поманил Алку пальцем:

— Шагай сюда!

Алка с блестящими от любопытства глазами подошла.

Вася Грек прижал ее к твердому, как булыжник, колену, не спрашивая, сдернул штанишки, поднял в воздух и швырнул в кадку так, что вода брызнула в разные стороны и окатила Васю с головы до ног.

Все это случилось так быстро, что Алка даже не успела как следует закричать. От холодной воды у нее сдавило дыхание. Она вцепилась ручонками в край кадушки и, вытаращив глаза, с изумлением и страхом ждала: ну, а дальше, дальше?..

— Что? Хорошо? — захохотал Вася Грек, смахивая со щек яркие, как роса на солнце, брызги.

И тут Алка сообразила, что и в самом деле хорошо, приятно стоять по самое горлышко в свежей, неведомо чем пахнущей воде.

— Морская вода, — продолжал Вася Грек. — Лизни языком.

— Я уже... напилась, — несмело улыбнулась Алка.

— На здоровье! Вот тебе и море в натуре, горько-соленое. Закиснет — еще привезу. Бочка пусть здесь стоит. Ну, приятных морских купаний, пацануха! — Вася Грек больно сплющил черствым пальцем Алкин нос и через секунду укатил, как и прежде, на сумасшедшей скорости.

Сергеевна, ошеломленная еще больше, чем Алка, подбежала к девочке:

— Не зашиб он тебя?

— Не зашиб, не зашиб, Сергеевна. Раздевайся скорее. Здесь у нас будет пляж.

— Ну и ну, придумал! — покачала головой бабка.

— Море, море, море! — залилась смехом Алка.

Она кричала, смеялась и била руками по воде.

Это был счастливый день.

До самого вечера Алка, как лягушонок, плескалась в кадушке. Увидев издали мать, она пронзительно закричала:

— Тетя мама, это Вася Грек мне море устроил!

Мать засмеялась, поцеловала Алку в мокрую щеку и убежала в хату.

Полужинав, она сказала, что в хате душно и поэтому она, пожалуй, устроится спать во дворе.

— Ну, ну, — проворчала Сергеевна, — все удобства чтобы...

Мать вынесла раскладушку и поставила ее под ореховое дерево. Голенькая Алка забралась к матери под простыню, обнимая ее, зашептала:

— Тетя мамочка, тетя мамочка, какая ты теплая, мягкая, горячая, красивая!..

— Тебе дядя Вася нравится? — спросила мать.

— Нравится, нравится, только мало разговаривает.

Мать откинула простыню, потянулась, заложив руки за голову.

— Беги спать, я устала.

— Я выкупаюсь в своем море разок, ладно?

— Спать, спать! Завтра.

Алка нехотя поплелась в хату. Ей очень хотелось окунуться перед сном. Она подождала несколько минут и, когда совсем стемнело, выпрыгнула в низенькое окошечко, на цыпочках, таясь от матери, подбежала к кадушке. Ей удалось бесшумно забраться в нее и

окупаться. Но вылезти она не успела: к забору кто-то подошел. Алка сперва не разглядела лица, но после того, как мужчина привычно перешагнул через калитку, поняла, что это Вася Грек. Он молча склонился над раскладушкой, мать встала, и они, взявшись за руки, ушли в огород.

После этого Алка долго лежала в своей кровати, не закрывая глаз. Она лежала, как и мать, заложив руки за голову, и смотрела в окно на серебристую, ласково мерцающую звездочку.

На другой день вечером в хате разразился настоящий бой. Мать и Сергеевна насакивали друг на дружку, бестолково размахивали руками. Первой не выдержала мать — заплакала. Алка убежала на огород, ждала, пока утихнет перепалка. Ей было и грустно и немножко смешно, что Сергеевна и мать, такие большие, без всякой причины ссорятся и плачут. Никто их не бьет, не обижает... «Стыдно просто!» — вздыхала Алка.

Вечером ссора не кончилась, с новой силой она возгорелась утром.

В тот день Алка первый раз увидела дядю Виталия.

Он остановился возле калитки и нагнулся, чтобы отодвинуть засов. Белый картуз слетел у него с головы и, подхваченный ветром, покатился по двору.

— А вы перешагивайте, перешагивайте, как Вася Грек, — подсказала ему Алка.

Она перегнулась через край кадушки и с любопытством наблюдала, как незнакомый человек в белом полотняном костюме безуспешно пытается открыть засов, привязанный ею к скобе веревочкой.

Он только сейчас заметил Алку и несколько секунд стоял молча, не отрывая от нее живо искрящихся глаз.

— Ты чья дочка? — спросил он, почти до шепота снизив голос, словно боясь, что Алка, как птичка, вспорхнет и улетит.

— Маруси Самойловой, Алка.

— Копия! — воскликнул он.

Алка возразила:

— Я девочка.

Он все глядел на нее, застенчиво улыбаясь. На щеке его Алка заметила большую красную полосу — шрам.

— Вы к маме? Или к Сергеевне?

Сергеевна, чуткая старуха, уже спешила к гостю с картузом в руках:

— Виталий Павлыч, погодьте, погодьте трошки, я вам сейчас отомкну, моя стрекоза тут баловалась!..

— Как она похожа на свою мамашу! — сказал Виталий Павлыч; он все еще не спускал с Алки глаз.

— Да что ты выставилась, бесстыжая! — прикрикнула на нее Сергеевна.

— Я же в воде, — пожала Алка плечиками и посмотрела на Виталия Павлыча бесстыдительно и кротко, чтобы удостовериться, права ли она.

Виталий Павлыч улыбнулся ей, вошел во двор и, взяв бабку под руку, заговорил:

— Что же это вы, Анастасия Сергеевна, книги перестали читать? Даже в библиотеке не появляетесь.

— Заботы, заботы у меня новые, голубчик дорогой, — ласково отозвалась Сергеевна. — Племянница и вот... девочка.

— Да, забот у вас прибавилось. Предложили бы своей родственнице зайти. Почему же она не ходит? Она, можно сказать, единственная не берет у меня книг.

Они отошли к крыльцу, и Алка перестала слушать их разговор. «Высокий, симпатичный дядя, весь в белом, даже ботинки, очень бритый, и штаны у него не грязные, как у Васьки Греха. Этот лучше, а Вася Грек интереснее», — определила Алка. Отфыркиваясь, она стала окунаться с головкой. Вскоре это наскучило ей. Она тоненьким голоском запела:

Снова цветут каштаны,
Слышится плеск Днепра...

Виталий Павлыч, поговорив с Сергеевной, приблизился, спросил:

— Цветут, значит, каштаны?

— Это песня, дядя.

— Песня, песня, — закивал он головой. — Много хороших песен в мире. И мир-то хороший, — внезапно добавил он с воодушевлением.

— А вы лизните, — предложила Алка. — Соленая, морская!

Виталий Павлыч опустил в воду палец, с любопытством полизал.

— Действительно.

— Это море мое. — Алка рассказала, кто его устроил, и добавила, печально вздохнув: — А на большое море он не взял меня.

— Ты еще увидишь море, Алка, — помолчав, сказал Виталий Павлыч. — Ты все увидишь. У тебя все впереди. Ну, давай лапушку! — Он протянул Алке руку.

— Приходите еще, Виталий Павлыч! — крикнула ему вдогонку Алка.

— Зови меня дядей Виталием, — обернулся он.

После утренней ссоры мать долго не возвращалась домой. На работу ей нужно было выходить через день, поэтому она не торопилась отдыхать. А Сергеевна ждала ее. Она то и дело выглядывала за калитку.

Мать явилась к обеду.

— Бегаешь, сама не знаешь где, — сразу же с укоризной и гордостью встретила ее Сергеевна, — а к тебе тут наш заведующий библиотекой приходил.

— Что же ему нужно?

— Спрашивал, почему ты книги не читаешь. Такая, говорит, культурная, интеллигентная женщина, а в библиотеке не появляется! Очень странно с ее стороны.

— Так и говорит? — усмехнулась мать, и щеки у нее заалели.

— Все так, в точности. Видишь, хорошие-то люди какого о тебе мнения, а ты... — Сергеевна с сожалением махнула рукой. — Не теряй авторитета, Мария, не теряй!

— Я могу к нему сходить, — неуверенно проговорила мать.

— Приглашал, голубушка, приглашал! — крикнула Сергеевна. — А идти или нет — твое дело. Умная, так пойдешь, а...

Она снова махнула рукой.

— Я пойду, тетя. В самом деле, возьму книжку... Скучно что-то.

— Пообедай, пообедай сначала. — Сергеевна забегала вокруг летней печки.

После обеда мать вымылась по пояс и села к зеркалу. Алка вертелась около нее, удивляясь, как долго она расчесывает и укладывает волосы, красит губы, сдувает с ресниц и черненьких бровей какие-то пылинки. Что-то не нравилось матери: она несколько раз вытирала и снова накладывала на губы помаду. Сергеевна на этот раз не брюзжала под нос — молчала. Платье, самое лучшее, пышное внизу, прохладно шуршащее, тоже чем-то не удовлетворяло мать. Она поворачивалась к зеркалу то правым, то левым плечом, кривила губы, вздыхала, просила Сергеевну поправить сзади какую-то складку, и та безропотно поправляла. Все это продолжалось целый час, и наконец мать, похожая в своем платье на балерину, выступила на крыльцо и, сопровождаемая до калитки Сергеевной, ушла с недоверчивой улыбкой на застывшем, испуганном лице.

Вернувшись она не очень скоро, с книжкой. Шла чуть небрежно, поглядывала на всех независимо. Лицо ее уже не казалось застывшим и испуганным — оно жило, играло, и синие глаза из-под ресниц, не скупясь, освещали его.

— Ну, что там? — глухо проронила на встречу ей Сергеевна.

— Вот! — Мать подняла над головой книгу.

Сергеевна взяла книгу, как старую свою знакомую, полистала.

Мать заложила руки за спину и, вышагивая по двору, склонив голову набок — взгляд в сторону Сергеевны, — со смешком, как бы еще не веря, объявила:

— Ты знаешь, тетя... он пригласил меня сегодня в кино.

Сергеевна опустила на крыльцо, как после тяжелой работы.

— Идти или нет?..

— Она еще спрашивает! — закричала Сергеевна. — С кем же, как не с ним, идти тебе? Человек холостой, никогда не женатый, не то что этот нелепый Грек. — Она поощрительно взглянула на Алку. — Виталий Павлыч, он не в пример другим, человек самостоятельный!

Мать приподнялась на носках своих туфель-шлепанцев и, с наслаждением вытягивая

вверх руки, закусив зубом нижнюю, словно припухшую, полную губу, промычала:

— Все они ску-у-шные... самостоятельные-то.

Но, всласть потянувшись, тотчас же добавила:

— Согласилась я. Схожу.

Алка никогда не видела Сергеевну такой доброй и ласковой. Бабка на-рвала винограду и дала Алке сразу две кисти — желтую и синюю. Алка ела виноград до позднего вечера, взяла остатки в кровать и хотела подождать до утра, но не вытерпела, съела последнюю ягоду и побежала к окошку, чтобы выбросить тощую кисточку. С улицы послышался голос матери. Алка высунулась подалеже и увидела: мать, тихонько посмеиваясь, стоит спиной к забору, а дядя Виталий в своем белом костюме обмахивает ее лицо веточкой.

Потом дядя Виталий пожал матери руку и ушел, а мать побежала во двор, быстро простучали ее каблук по крылечку, она вскочила в комнату и, не раздеваясь, прямо в пышном платье, как девочка, упала на кровать, и долго еще Алка слушала, как беспокойно она дышит и как шуршит ее платье...

Весь следующий день Алка про-плескалась в своем море.

Вечером, сразу после возвращения матери с работы, у калитки появился Вася Грек.

— Эй ты! — нахмутив свои густые брови, ни на кого не глядя, позвал он мать. — Ступай сюда.

Мать, дочитывающая под орехом книгу, недовольно повела плечом.

— Что за тон? Ступай сам, если нужно.

— Ладно, подойду! — угрожающе сказал Вася Грек.

Мать поднялась со скамейки, опустила глаза, прикрыв их настороженными ресницами.

— Здравствуйте, мадам! — Вася Грек притворно-ласково поклонился и вырвал у матери книгу. — Что это, художественная литература? Роман? С кем в кино ходила?!

Последний вопрос он выкрикнул так громко, что Алка испугалась.

— Васенька, сбавь тон, — сказала мать.

Вася Грек толкнул ее плечом. Она отскочила, уперла руки в бока и, откинув голову назад, вызывающе закричала:

— С кем хочу, с тем и хожу, и ты мне не указ! Бери в жены, а потом и командуй! И вообще не смей со мной так обращаться!

— Ты серьезно? — опешил Вася Грек, выронив книгу.

— Серьезно, серьезно, серьезно! — затопала мать ногой.

— Ну, ладно, сама прибежишь. Лучше Васи Грека ты на всем берегу не сыщешь.

Он провел руками по животу, словно вытер ладони о выгоревшую майку, и ушел. Кулаки у него были яростно сжаты.

Мать, гордая и горячая во время ссоры, сразу же потухла, потускнела. Вася Грек шагнул, не оглядываясь. Мать стояла у калитки, с беспокойством покусывая губы...

— Серьезно, серьезно, серьезно! — захлопала в ладоши Алка, очень довольная матерью.

Мать вдруг подскочила к ней, ударила по щеке. Алка заплакала.

Ночью Алку разбудил какой-то шорох. Она подняла голову. В окошко кто-то лез. Алка сдавленно вскрикнула.

— Спи, спи, — послышался ласковый, успокаивающий голос матери, — я в твоём море выкупалась!

Алка долго думала о том, как непонятно ведут себя взрослые.

«Вот придет дядя Виталий, я ему все расскажу, — думала она. — Он хороший человек».

Но когда он пришел, Алка уже забыла все

свои обиды. Он первым делом наклонился над бочкой, зачерпнул ладонью воды.

— Нет, девочка, хватит тебе здесь барахтаться: море твоё портиться начинает. В нём скоро кашалоты заведутся.

Алка попыталась возражать, но дядя Виталий привел Сергеевну, и та без лишних слов вытащила Алку из кадушки и окатила пресной колодезной водой.

— Мамку бы твою розгой посечь! — сердито говорила она при этом. — Вы бы повлияли на нее, Виталий Павлыч!

Дядя Виталий развел руками, застенчиво улыбнулся.

— Маруся — женщина хорошая, — сказал он. — Трудно ей.

Сергеевна опрокинула кадушку.

Алка заревела, затопала ногами.

— А я ведь за тобой пришел, Алка, — сказал дядя Виталий. — На море ты хочешь?

У Алки сразу же засияли сквозь слезы глаза.

— Оденьте ее, Анастасия Сергеевна, я в город еду, пусть она со мной в море искупается.

Сергеевна нарядила Алку в белое платьице, надела новые голубые босоножки, украсила волосы синим бантом.

— Как она похожа на мамашу! — тихо восторгался дядя Виталий. — Глаза, волосы, носик, нижняя губенка!..

— Вся в нее не пошла бы! — ворчала бабка Сергеевна.

— Такие дети даются в награду, Анастасия Сергеевна.

— Дураку награда — все равно, что нищему медаль. Вы читать ее заставляйте побольше, повоздействуйте.

На улице загрохотала автомашина.

— Вася Грек! — закричала Алка.

Она угадала.

— Вы что здесь? — насупился он, увидев дядю Виталия.

— А вот хочу девочку на море захватить.

— Угу-у! — протянул Вася Грек, с помощью приятеля погрузил в кузов железную бочку, оставленную им раньше у калитки, и крикнул из кабины: — Так я жду!

Приятель — лица его Алка так и не разглядела — сел рядом с ним.

Дядя Виталий и Алка полезли в кузов.

Проехав километра три, Вася Грек остановил машину и, выскочив из кабины, объявил дяде Виталию:

— Все. Мотор испортился.

— Серьезная поломка?

— В город не доедем. — Вася Грек полез в мотор.

— Угу-у, — протянул теперь уже дядя Виталий и улыбнулся не застенчиво, а насмешливо.

Он посадил Алку на плечи и молча пошел назад, к Кринице.

— На море-е хочу-у! — заныла Алка.

— Поедешь еще, девочка, поедешь. И пла-

вать будешь и летать над морем. Все твое будет, потерпи!

Алка оглянулась, закричала:

— Дядя Виталий, а машина-то дальше покатилась.

— Что ж,— не удивился дядя Виталий,— видно, мотор сам собой исправился. Бывают и у машин скверные характеры.

Алка приехала домой верхом. Это было тоже хорошо.

А вскоре опять подъехал Вася Грек. Он опять сбросил на землю тяжелую железную бочку, без спросу подкатил к калитке кадушку. Опять полилась из шланга густая соленая морская вода.

— Купайся в море, пацануха!

И Алка снова кричала: «Море, море, море!» — и била по упругой воде руками.

Жаль, что кадушка была узкая очень, нельзя было всласть поплавать. Если бы она была хоть в два раза шире!.. Ночью Алке приснилась такая широкая кадушка: от одного края до другого нельзя было достать ни рукой, ни ногой. Великолепная кадушка! Другой и не надо... Не знала Алка, что, будь у нее такая, она через день захочет еще расширить ее, а потом не удовлетворит ее и кадушка величиной в целый двор. Не могла Алка знать, что и море в конце концов покажется ей слишком тесным и ее станут манти океаны... Знал это пока один дядя Виталий, а Алка еще очень мало жила на белом свете.

Дядя Виталий еще два раза приглашал мать в кино. Она уже успела прочитать четыре книги.

Алкино море снова стало портиться, а Вася Грек уехал в какой-то дальний рейс.

Сергеевна вылила воду и укатила кадушку далеко в огород.

— Все равно Вася Грек найдет да еще плюнет! — грозила ей Алка.

Но тут случилось еще одно большое событие, после которого Вася Грек совершенно перестал интересоваться Алку.

Сергеевна покатила кадушку в огород, и в это время появился дядя Виталий, небритый, весь немного помятый, какой-то словно невыспавшийся. Он взял Алку на руки, заглянул в ее беспечальные глаза.

— Я плохой? — спросил.

— Хороший,— правдиво отозвалась Алка.

— Мне поговорить с тобой надо, девочка.

— А почему вы так дрожите? Разве вам холодно?

— Нет, мысли у меня разные... — Дядя Виталий поставил Алку на землю и стал ходить по двору взад-вперед, бестолково поправляя на голове рассыпающиеся волосы.

Алка заложила руки за спину и только поворачивала за ним голову.

— Ты знаешь, где твой папа? — спросил дядя Виталий.

— Тетя мама говорит, что он далеко, на полярной льдине.

— Полярная льдина уже подплыла к берегу. Он вернулся, Алка.

Алка словно оцепенела: что еще скажет дядя Виталий?..

— Он здесь, девочка,— сказал дядя Виталий.— Твой папа — это я.

— Правда-а?

Алкины глаза раскрылись так широко и выразили такое недетское изумление, что дядя Виталий схватил ее в охапку и, пряча лицо, совсем чужим, непохожим голосом зашептал: — Правда. Может, ты не рада?

— Рада, рада, рада! — закричала Алка, обвивая руками шею дяди Виталия. — Я всегда думала, что ты лучше Васи Греха и хорошего товарища. Сергеевна, Сергеевна! — запрыгала она у дяди Виталия на руках. — Льдина подплыла к берегу, и мой папа вернулся! Дядя Виталий — мой папа, а тетя мама еще не знает об этом!

Сергеевна стояла на краю огорода, безвольно опустив руки, не шевелясь, и только глаза ее о чем-то с болью спрашивали дядю Виталия. Он заметил это, опустил Алку на землю.

— А теперь ты поиграй, дочка, я с твоей бабушкой поговорю.

— Что это вы, Виталий Павлыч? — с тоскливой мольбой, еле слышно выговорила Сергеевна, и единственный спереди зуб ее еще больше обнажился, придавая старухе совсем жалкий вид.

— Не шучу я, Анастасия Сергеевна, не шучу,— глухо сказал дядя Виталий. — Не поиграть захотел. Нравится мне Маруся. Сначала колебался, а как увидел девочку... У меня ведь своя такая крошка была... и такие же синие глазенки. И тоже была на мать похожа, только мать ее... пониже ростом, поплотнее... В сорок четвертом году... на Украине... снарядом... — Дядя Виталий с усилием выдохнул воздух, посмотрел на Алку. — Я как увидел... нет у меня теперь ни сил, ни воли, чтобы от этого счастья отказаться!

— Что ты говоришь, подумал бы! — всплеснула руками Сергеевна. — Какое счастье!..

— Не одну ночь думал, Анастасия Сергеевна. И вот надумал. Хорошо ли, плохо ли — лучше не умею. Не оставляю я Алку! Вижу в ней весь смысл жизни.

— Так ведь мать-то... Знаешь ли ты жизнь ее?

Глаза у дяди Виталия стали сердитыми.

— Не знаю и знать не хочу! — повысил он голос. — И вам не нужно напоминать об этом. Мне тридцать пять лет, у меня тоже в жизни разное было. Фронт, потеря семьи...

— Так как же будешь ты?..

— Так и буду — поженимся. Мне предлагают хорошее место в городе. Отсюда ведь все равно нужно уехать. Возьмем и вас, если вы изъявите желание.

— А она?.. — все спрашивала Сергеевна, словно еще не веря такому счастью.

— В этом и суть... — В голосе дяди Виталия сразу не стало уверенности. — Я еще не говорил ей... Да разве она не понимает?! — воскликнул вдруг он, словно Сергеевна в чем-то была виновата. — О себе не заботится, так об Алке подумала бы. Да и Маруся, — снизил он голос, — может гораздо большую пользу людям принести. Ведь она девочка еще: двадцать третий год! По молодости неладно все получается у нее. Учиться будет — вся жизнь впереди! Как вы на это смотрите, Анастасия Сергеевна?

Сергеевна заплакала.

Это был какой-то странный день: Алка без умолку смеялась, а мать и Сергеевна плакали.

— Бери свою судьбу, бери, Мария! — все твердила Сергеевна.

— Боюсь я, тетя, поймите!

— Не любишь его?

— Я ведь его еще не знаю...

— А Алка, Алка? Она и так уж тетей тебя зовет.

— Не корите тем, от чего самой тошно!

— Чем он тебе приглянулся, этот Грек? И морда черная, страхолюдная, и в голове, как в барабане, кроме воздуха, ничего нет, и душонка поганая, разбойничья.

— Сама не знаю, тетя. Вы же женщина, понимаете...

— Тьфу ты, проклятая! Чтобы я тебя понимала! Пусть уж тебя Виталий Павлыч понимает! Он-то ведь все знает, а, видишь ли, внимания не придает. За одно это человека уважать надо!

— То-то и страшно, что знает! Тетя, тетя, что же мне делать теперь?!

— Ну, хватит слезами умыться, сама знаешь, не дура. Крась свои губы: ведь придет сейчас!

Алка слушала и удивлялась: «Все-таки странные люди, эти взрослые! Нашелся папа — смеяться надо! Зачем же плакать?»

Пришел дядя Виталий, которого Алка встретила криком:

— Дядя папочка, дядя папочка идет!

Он побрился, надел белую рубашку, черный галстук, черные новые брюки. Сначала он ломал пруттик, потом стал поправлять ремень, долго тер свои пальцы — все время что-то делал, пока мать сидела перед зеркалом. Мать вышла на крыльцо притихшая, молчаливая, глаза у нее были опущены. Дядя Виталий взял ее под руку и увел не к клубу, а совсем в противоположную сторону. Алка видела, как Сергеевна перекрестила их в спину.

— Дай бог ей за ум взяться! — прошептала она.

Алка долго не могла уснуть в тот вечер. События прошедшего дня никак не давали ей покоя. А только стала забываться, вернулась мать, крепко прижала ее к груди и, целуя изо всех сил, как еще никогда не целовала, зашептала:

— Кажется, кончились мои годы, Алка! Твоя жизнь начинается!

Следующий день очень хорошо запомнился Алке.

Возвратился из своего дальнего рейса Вася Грек. Дядя Виталий был во дворе, когда он вдруг появился злой, с почерневшим лицом.

— Эй ты! — крикнул он. — Выбрал бы место для прогулок подалеже от этой хаты, понял?

— А в чем дело? — спросил дядя Виталий.

— Здесь запретная зона, поосторожнее! — А все-таки в чем дело, товарищ Грек? — снова спросил дядя Виталий.

— А ну, вылезай сюда, я растолкую! Дядя Виталий вышел из калитки и, скрестив на груди руки, остановился рядом с Васей.

— Не ходи сюда, понял? — хрипло сказал Вася Грек.

— Не понял.

— Ну! — Вася Грек толкнул дядю Виталия плечом.

— Ну! — так же грозно ответил дядя Виталий и тоже выставил плечо.

Он был ниже Васи Грека, поуже в плечах. «Дядя папа, беги во двор, Вася Грек сильнее, он побьет тебя!» — захотела закричать Алка, только не успела.

Вася Грек отступил на шаг, провел ладонью по животу и, злобно сплюнув, сказал:

— Ну, поглядим, поглядим! Мне стоит только свистнуть!

Дядя Виталий пренебрежительно махнул рукой и вернулся во двор.

Ясно было, что Вася Грек испугался дяди Виталия. Видно, была у дяди Виталия какая-то сила, которой Алка еще не знала.

— Он зачем, Вася Грек, приходил? — пылливо спросила Алка.

— Отзывать своих полномочных представителей, — засмеялся дядя Виталий.

И все-таки Вася Грек в тот же день еще раз привез бочку морской воды, нашел в огороде спрятанную Сергеевну кадучку и, как она ни кричала и ни звала соседей на помощь, наполнил ее.

— Ладно, это уж последний раз, — смирилась в конце концов Сергеевна. — Через неделю арбузы солить буду.

Алка тоже поддакнула:

— Последний, последний раз!

— Купаться здесь будешь, пока не вырастешь, — заявил Вася Грек и без всякой осторожности придавил грязным пальцем Алкин нос.

Вечером Вася Грек пришел к калитке и стал громко свистеть. Сунув руки в карманы штанов, он ходил под окошком и свистел. Мать лежала на кровати вниз лицом.

— Тетя, пусть он уйдет, я не выйду! — сказала она.

Сергеевна выскочила и долго ругалась с ним.

Вася Грек не успокоился. Когда стемнело, он перелез через забор и, подойдя к окошку, опустился на корточки.

— Марго, слушай!

— Ну что, что, Вася? Неужели ты не понимаешь? — почти простонала мать.

— Поговорить надо. Может, и сговоримся как!

— Нет, нет, уходи! Мы обо всем договорились. Такой жизни мне больше не надо!

— Увезу тебя, куда хочешь, аж ветер свистеть будет!

— А потом?

— Зачем думать, зачем думать?! — закричал Вася Грек. — Ветер! Свобода! Деньги! Хочешь?

— Не хочу!

— Все отдам, что у меня есть! Хочешь?

— Не хочу. Я замуж за Виталия Павловича выхожу, все кончено, пожалей меня!

Вася Грек закричал зубами и рванул прочь, ломая забор. Мать плакала, с остервенением кусая подушку.

Больше Алка Васю Грека не видела.

Все чаще и чаще стал навещать Алку дядя Виталий. Мать уже не спала во дворе, под орехом, и не вылезала в окошко купаться в Алкином море. Дядя Виталий проходил прямо в комнату, садился на табурет возле матери, и они подолгу о чем-то разговаривали.

Алка хорошо запомнила один случай. Она пользовалась окном чаще, чем дверью: через окно было ближе и даже удобнее. Подбежав раз к окну, она остановилась. Дядя Виталий стирал с губ матери помаду и тихо говорил:

— Дуреха ты, дуреха, зачем она тебе, эта

искусственная краска, когда у тебя естественная натуральнее лучших помад на свете?! Не смей больше уродовать свой рот, ты и так лучшая девушка на всем Черноморье, дуреха ты моя, дуреха!

Алка думала, что мать вскопичит, закричит на дядю Виталия, но она только улыбалась в ответ. Она лежала под простыней неподвижно-покорная, словно совсем ручная, и Алке было приятно и немножко грустно от этого...

В той самой кадучке, в которой Алка провела столько дней, Сергеевна засолила некрупные темно-зеленые арбузы. Алка уже знала, что есть ей эти арбузы не придется: она будет жить в городе, на самом берегу моря. Сергеевна оставалась в Кринице.

— Здесь мужа похоронила, здесь и сама помру, — угрюмо сказала она. — Приезжайте только хоронить: больше года — двух не протяну...

Для того, чтобы уехать в город, мать с дядей Виталием должны были в понедельник пойти куда-то и где-то расписаться. А в воскресенье Сергеевна все говорила дяде Виталию:

— Подумал ли ты, Виталий Павлыч? Дело-то серьезное. Жена не рукавица — с руки не сбросишь! Подумай!

— Ох, думал, думал, Анастасия Сергеевна, ночушки не спал, глаз не смыкал! — весело отозвался дядя Виталий, подкидывая Алку в воздух, ловя и прижимая к груди. — Хоть в море, хоть на луну, хоть в пустыню, но только с ней!

К вечеру поднялся ветер. Он мчался над зелеными горами к морю, и вздерженный орех во дворе изо всех сил сражался с ним, изнемогая в непосильной схватке...

Мать легла спать рано. Не закрывая глаз, она лежала на спине; чуть заметно шевелились в задумчивости ее губы, точно шептали что-то. Алка примостилась рядышком, тоже смотрела в потолок.

А над крышей хаты все шумел, шумел упругий ветер.

С улицы внезапно раздался короткий свист. Мать встрепенулась. Приподнявшись на локте, взглядела в окно. Глаза ее растерянно и беспокойно блеснули. Свист повторился.

Алка испуганно прижалась к матери:

— Тетя мамочка, кто это?..

— Ветер свистит, — прошептала мать.

В комнату заглянула Сергеевна. Ни слова не говоря, нагнулась и, пошарив под раскладушкой, вытащила железную кочергу.

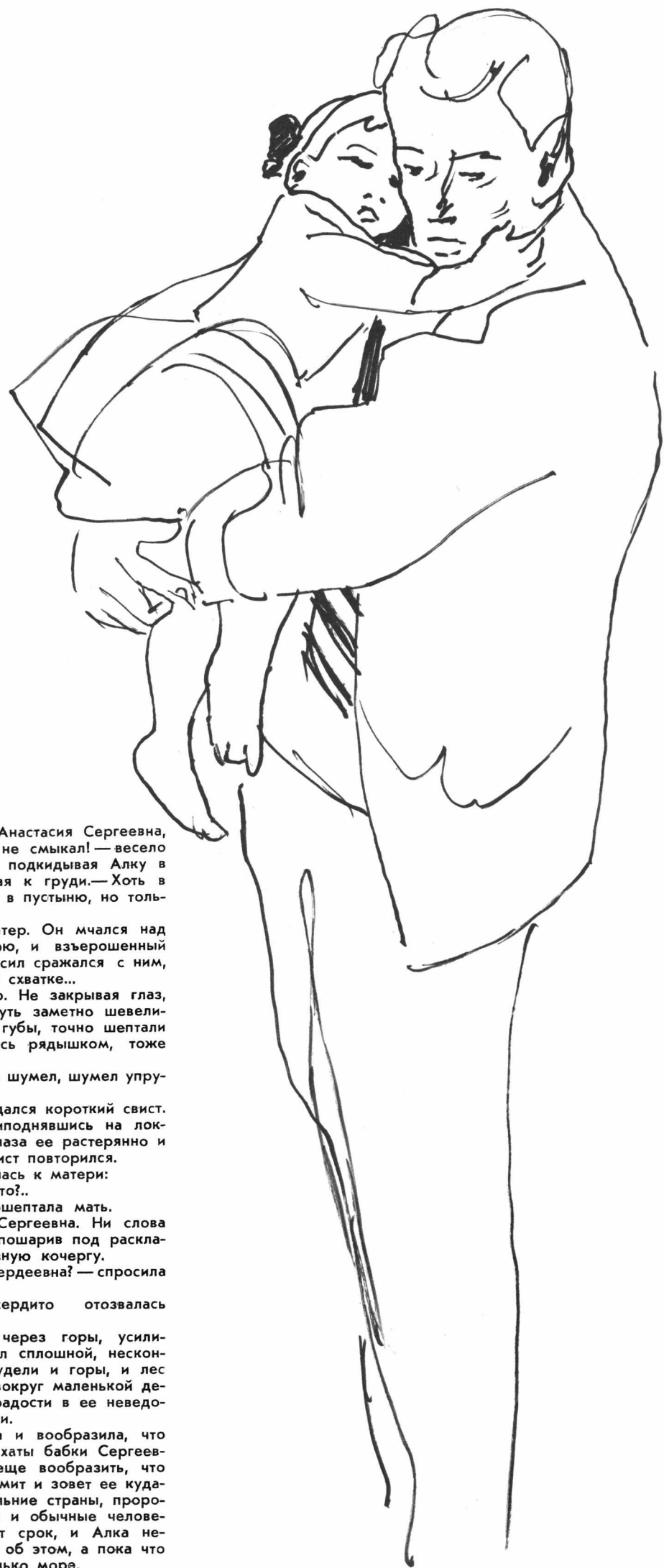
— Ты зачем это, Сергеевна? — спросила Алка.

— Чертей гонять! — сердито отозвалась старуха.

Ветер, перелетающий через горы, усиливался. Над крышей стоял сплошной, нескончаемый гул. Казалось, гудели и горы, и лес на них, весь мир гудел вокруг маленькой девочки, суля ей беды и радости в ее неведомой, как будущее, жизни.

Алка зажмурила глаза и вообразила, что это море шумит вокруг хаты бабки Сергеевны. Но она не умела еще вообразить, что это шумит вся жизнь, шумит и зовет ее куда-то в счастливые дни, дальние страны, пророчит обязательные утраты и обычные человеческие открытия. Придет срок, и Алка непременно станет мечтать об этом, а пока что она думает об одном только море.

— Море, море, море... — засыпая, шепчет Алка.

Богатыри СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

И. БОРИСОВ

Фото А. Бернацкого.

Казбек Хадарцев и другие

Асланбек Дзгоев, бывший чемпион Российской Федерации по борьбе, а ныне заслуженный тренер, выбрал для нашей встречи необычно ранний час.

Ночь только что ушла за Терек, к розовеющим вдали холмам предгорья. И лишь тишина напоминала о недавней молчаливой игре звезд, о сумраке, бесшумно ступавшем по спящему городу.

Мой собеседник распахнул окно — и тишины как не бывало: комната наполнилась пронзительной трелью трамвайных звонков, дребезжанием арбы.

Дзгоев выглянул на улицу.

— А вот и Казбек Исламович! Дзгоев отступил в сторону и представил мне сухонького седобородого горца, облаченного в черкеску с полным набором газырей.

— Как себя чувствует Дзахсоров? — спросил старик и, выслушав малоутешительный ответ Асланбека, одарил его полным укоризны взглядом.

— Эх, тренеры, тренеры! Не уберегли парня... Верного чемпиона мира потеряли...

Старик в сердцах махнул рукой и зашагал прочь. И тут я увидел на его плече увесистую сумку с утренней почтой.

В дни больших встреч на ковре, когда Летний театр в городском парке Орджоникидзе клокочет от страстных споров болельщиков, Казбека Хадарцева в нарядном, из черного шелка, бешмете можно видеть в первом ряду зрителей.

А сейчас старый письмоносец, совершающий свой обычный обход от дома к дому, должен будет вместе с утренней почтой разносить весть о болезни Таузбека Дзахсорова. Куда ни пойдет сегодня Казбек Исламович, всюду его спросят: что же случилось с Таузбеком, неужели он не поедет на первенство мира в Тегеран? Ибо нет в Осетии ни одной семьи, где бы не любили борьбу, не уважали своих могучих земляков, искуснейших в стране мастеров ковра.

Таузбек побеждает

Да, к сожалению, Дзахсоров не смог поехать на чемпионат мира

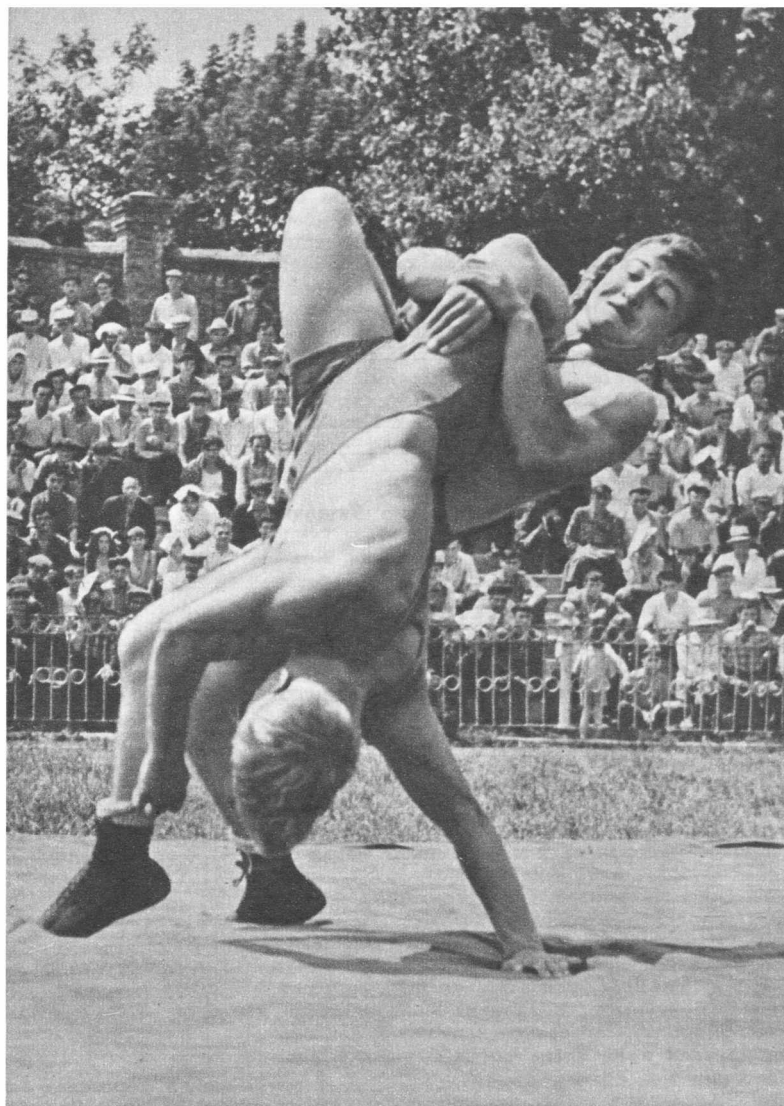
по вольной борьбе. Защищать честь советского спорта отправился в иранскую столицу победивший Таузбеком Георгий Схиртладзе, обладатель бронзовой олимпийской медали. Я видел их поединок на турнире борцов II Спартакиады народов СССР.

Привыкший к победам над лучшими атлетами мира, Гоги Схиртладзе демонстрировал свою непоколебимую уверенность в благоприятном исходе поединка — иначе, как говорится, не стоило и выходить на ковер. Таузбек же прилагал героические усилия, чтобы совладать со своим волнением. От победы Дзахсорова зависел успех его команды, коллектива борцов Российской Федерации. На этот раз дерзость и решительность Таузбека — бесценные дары юности — должны были быть усмирены, подвергнуты беспощадному контролю трезвого расчета. С таким грозным противником, как Схиртладзе, следовало быть осторожным, осмотрительным. Но не дай бог оказаться робким.

Дзахсоров обрадовался судейскому свистку. Он пошел на сближение с соперником, должно быть, слишком стремительно, и ему пришлось на середине ковра подождать противника. Тот вынес далеко вперед свои мускулистые руки, оставляя между собой и Таузбеком два шага «ничьей земли». Строгий испытующий взгляд Гоги скользнул по геркулесовой фигуре противника, а тем временем пальцы его как бы невзначай коснулись плеча Дзахсорова. Тяжелая ладонь Схиртладзе показала невесомой; но кому, как не Таузбеку, знать, какую стальную упругость и гибкость обрели руки грузинского чемпиона в момент броска, когда пружинистое тело в стремительном рывке устремлялось назад, увлекая за собой противника. Дзахсоров резким движением сбросил с плеча руку Схиртладзе.

Таузбек сделал шаг назад, чтобы уже в следующее мгновение оказаться перед противником в удобной для атаки позиции. Он должен лишить Схиртладзе его привычной роли охотника, преследователя.

Гоги с трудом сдерживал натиск молодого осетина, этот напор он склонен был приписать го-

Острый момент.

рячности Дзахсорова. Когда нет четкого плана действий, возникает эта лихорадочная, изнуряющая игра «тяни-толкай». В начале схватки решиться на такую трату энергии может только безрассудный юнец. Схиртладзе принял вызов. Он временно уступает центр ковра, дает себя «водить», висит на руках соперника. («Надолго ли того хватит?»)

И вдруг наступает перелом — неожиданный, ошеломляюще острый: Схиртладзе, который только что прочно стоял на ногах, будто бы врос в ковер, — лишился опоры. Спасаясь от грозящего неприятностями приземления, Гоги делает отчаянный ры-

вок вниз. Сила броска, взметнувшая многопудового атлета вверх, на высоту роста Дзахсорова, и сила рывка сопротивляющегося, налитого живой тяжестью тела схлестнулись в поединке, и на какой-то миг Схиртладзе неподвижно повис в воздухе, потом рухнул на арену.

Этот бросок дорого стоил Дзахсорову. Боль в спине Таузбек почувствовал позже, когда с пронзительной ясностью ощутил, как захлестывает его душная волна слабости. От Схиртладзе не ускользнула эта спасительная перемена; глаза Гоги, в которых легко читались смятение, растерянность, стали снова обжигающе суровыми. К Схиртладзе вернулся азарт охотника.

Десять минут продолжалась неистовая атака олимпийца. Он обрушил на своего соперника шквал приемов, надеясь, что хотя бы один из них достигнет цели. Не беспредельна же энергия физически сломленного борца, мужество ведь тоже имеет границы!.. Но проходила минута за минутой, а Дзахсоров не сдавался.

Схиртладзе так и не смог отыграть потерянное.

Богатырская дружина

Не думайте, что Таузбек Дзахсоров был единственным борцом маленькой Осетии, ставшим победителем Спартакиады. Богатырская дружина из Орджоникидзе увезла домой ровно половину всех золотых медалей, не считая серебряного «трофея» Амурхана Балаева. Интересы команды потребовали вторжения чемпиона страны в полулегком весе Балаева в стан легковесов, и Амурхан сде-

Таузбек Дзахсоров.

лал все возможное, чтобы принести коллективу побольше выигрышных очков.

Михаил Бекмурзов, не в пример Амурхану, ни разу не изменял своей полусредней весовой категории, хотя иные, менее храбрые спортсмены, случалось, нагуливали лишний вес, чтобы избавиться от соседства с «профессором борьбы» двукратным чемпионом мира Вахтангом Балавадзе.

Бекмурзов не принадлежал к робкому десятку. Он, наоборот, искал встречи с Балавадзе.

На тренировках Бекмурзов давал фору средневесам, и все же нанести поражение Вахтангу ему не удавалось.

На Спартакиаде старые соперники встретились в финале. Бекмурзов выдержал характер — не подчинился воле чемпиона. Он сковал Балавадзе, навязав ему силовой поединок. Судьи даже вынуждены были сделать «профессору борьбы» предупреждение

гучего атлета, сильнейшего тяжеловеса страны. Судьба золотой медали чемпиона Спартакиады решалась в схватке Дзарасова с представителем Белоруссии Александром Медведем. Белорусский богатырь был прижат спиной к коврику на исходе восьмой минуты.

Поколение Андиевых

— А знаете, почему я вас вызвал в такую рань? — улыбнулся немного загадочно Дзгоев, продолжая прерванный приходом Хадарцева рассказ о борцах Осетии. — Я хотел вас познакомиться с преемником Дзарасова. Геннадием Андиевым, сыном Петра Андиева. Слыхали про такого силача? Когда-то был абсолютным чемпионом Северо-Кавказского края... Удивительная, скажу вам, семья: она нас обеспечит тяжеловесами по меньшей мере на два десятилетия... Впрочем, давайте поспешим, а то будущие силачи отправятся в школу.

В маленьком каменном особнячке на улице Ноя Буачидзе мы застали за завтраком Геннадия, Сергея и Сослана Андиевых. Отца — инженера Петра Андиева — «самого большого мужчины на Кавказе» (он весит более 160 килограммов) — уже не было дома: он ушел на завод затемно.

Геннадий — высокий, плечистый, с длинными, тяжелыми руками молодого бойца, — узнав о цели нашего прихода, зарделся, почему-то снял пиджак, на лацкане которого поблескивала золотая медаль чемпиона страны среди юношей (будто сейчас он перестанет привлекать внимание).

— Как боролся? Обыкновенно... Было семь противников, у двух выиграл по очкам, остальных положил...

— Так вот, пока будет бороться Геннадий, — пустился в расчеты Дзгоев, — подрастет Сергей. Ему уже тринадцать лет и весит он 62 килограмма, ростом он вымахнет в отца... Через двенадцать — пятнадцать лет наступит черед Сослана. Смотрите, какой он в свои семь лет крепкий!

Коль скоро зашла речь о премниках нынешних чемпионов, поведаем о примечательном селе Сунже.

Сначала немного арифметики. Сто юношей этого села занимаются борьбой, шестьдесят из них имеют спортивные разряды. В августе 1959 года сунженцы выступили командой на всесоюзных соревнованиях молодых борцов спортивного общества «Урожай». Сборная села против сборных коллективов республик! И что же? Пять представителей Сунжи стали чемпионами.

Чемпионами вернулись в родное село ученики средней школы Ибрагим Битиев, Хасан Качмазов, Заур Челахсаев, Борис Стафарандов.

Довелось юным богатырям помериться силами и со взрослыми. Результат превзошел все ожидания: чемпионами Центрального совета «Урожай» стали легковес Хасан Качмазов и атлет тяжелого веса Юрий Гагиев, четверо сунженцев завоевали вторые призы.

Эти фамилии следует запомнить. Вы их еще не раз услышите на крупных турнирах борцов, найдете в списках призеров, среди тех, кто достойно прославил нашу Родину — страну богатырей.

ВОТ ОН, БОЛГАРСКИЙ

ДОМ

В № 8 журнала «Огонек» опубликована беседа с начальником Главного управления по строительству в колхозах Министерства сельского хозяйства РСФСР В. Д. Ивановым «Любовь и дом». В ней рассказывалось о кирпичных домах, которые строят сельские жители Болгарии.

В редакцию поступило много писем с вопросами, касающимися болгарского опыта. Наш корреспондент попросил В. Д. Иванова ответить на эти вопросы...

Вопрос. Что собой представляет болгарский дом?

Ответ. В Болгарии строят дома так же, как и у нас, по типовым проектам. Как правило, это полуторазажные, капитальные дома с черепичной крышей. Первый, цокольный этаж из камня, второй — из кирпича. Но можно делать его целиком из кирпича. Полезная площадь его — 60—85 квадратных метров. В таком доме 2, 3 или 4 комнаты, кухня, кладовая, веранда.

Вверху напечатан общий вид одного из наиболее распространенных типов жилых домов в деревнях Пловдивского округа. В нем четыре комнаты. Спальни — для взрослых и детей — расположены на втором этаже. Внизу гостиная и кухня-столовая. Отопление может быть всякое — от печного до центрального. Площадь застройки дома невелика — 67 квадратных метров. Приусадебный участок обычно имеет десять соток.

Так как застройщик изготавливает кирпич сам, полевым способом, то такой дом обходится ему сравнительно недорого. Семья сначала вселяется в одну комнату, потом, по мере достройки и отделки, в ближайшие год — два — в остальные.

Вопрос. Из какой глины можно делать кирпич по болгарскому методу?

Ответ. Лучше всего из глины средней жирности, без вредных примесей — крупной гальки или кусочков известняка. Желательно, чтобы в ней было не больше 20 процентов песка.

Вопрос. Как делается кирпич?

Ответ. Сначала готовится глина. Она должна быть хорошо перемешана и напоминать густое тесто. Руками этого, конечно, не сделать, и устраиваются так называемые конно-мяльные круги. Затем глиной наполняют деревянные формы, предварительно смоченные водой и обсыпанные песком.

Кирпич-сырец, изготовленный ручным способом, складывают в ряды на сушку. От дождя его укрывают соломенными или намы-

шовыми матами. Готовность кирпича для обжига определяют по излому: если кирпич высох, он однороден по цвету и не имеет сырых пятен.

В изготовлении кирпича-сырца в Болгарии обычно участвует бригада из семи человек. За один рабочий день такая бригада может сформовать пять тысяч кирпичей. В наших условиях, когда требуются более высокие темпы строительства, производство кирпича-сырца легко механизировать. В Ростовской области, например, десятки колхозов приобрели механизированные прессы полусухого прессования с транспортерами. При таком способе пять человек за день вырабатывают десять тысяч готового сырца.

Вопрос. Почти во всех письмах читатели спрашивают: что представляют собой печи для обжига, какое нужно топливо, как долго надо держать кирпич в печи?

Ответ. Печи могут быть полевые и напольные.

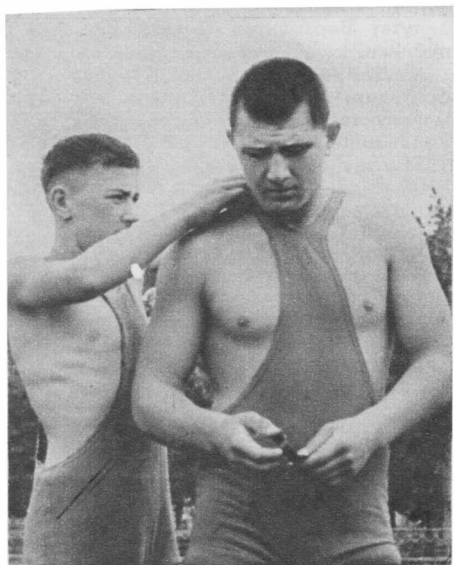
Полевая (в Болгарии называют ее коптором) устраивается прямо на открытой площадке, из самого кирпича-сырца. Его укладывают так, чтобы оставались горизонтальные топочные каналы. Для обжига 15 тысяч кирпичей — этого количества хватит для небольшого дома — необходимо выложить на площадке штабель с тремя топочными каналами длиной 6 и шириной у основания 3,7 метра, по высоте — 20 рядов.

Еще лучше обжигать кирпич в напольной печи, которая отличается тем, что имеет постоянные стены и топки, а сама накрывается шатром.

Обычно через 30—36 часов подача топлива в печь прекращается. Каналы закладывают кирпичом и замазывают глиной. Верх насыпают сухой землей. Печь ставится на закат и 5—6 суток остывает.

Для обжига годится любое местное топливо: дрова, солома, камыш, бурьян, лузга, торф, уголь. На тысячу кирпичей в полевых печах расходуется 600—800 килограммов соломы или один кубометр дров. При обжиге углем — 300 килограммов.

Конечно, подробно ответить на все вопросы застройщиков невозможно. И очень правильно сделал книжное издательство газеты «Новгородская правда», выпустив специальный красочный плакат со схемами и рисунками печи и описанием технологии обжига. Это можно сделать в любом районе.

Геннадий и Сергей Андиевы.

за... пассивность. Короче говоря, Балавадзе покинул ковер побежденным.

Третью золотую медаль осетинские борцы завоевали в полутяжелом весе. Здесь лидировал Борис Кулаев, атлет большой физической мощи и несравненной стойкости.

Вслед за Борисом на пьедестал почета поднялся его ученик Саукудз Дзарасов.

Селение Дзильга, откуда родом Дзарасов, известно на всю республику своими борцами. Богатырем был и отец Саукудза — Дзабо. Но сила не всегда в союзе со счастьем. Судьба не миловала семью Дзарасовых. Один за другим умерли два сына Дзабо. Третий мальчик, Саукудз, унаследовал силу отца и славу богатырей Дзильги. Восемнадцатилетним юношей он впервые покинул родное селение и отправился в Орджоникидзе, чтобы людей посмотреть и себя показать. На межрайонной сельской спартакиаде Дзарасов выиграл первый приз по национальной борьбе и второй — в подтяжке тяжестей. Набравшись храбрости, Саукудз вступил в борьбу за абсолютное первенство, дошел до финала, где уступил средневесу Асланбеку Дзгоеву, «человеку с железными руками».

С того памятного дебюта прошло десять лет. Юноша-колхозник из Дзильги превратился в мо-

Строительство нового винохранилища и цеха розлива вина.

В Молдавии, на серпантинах, ведущих в лесистые Кодры, как-то по-новому чувствуешь красоту и силу движения. С вершины на вершину идет дорога, а впереди все льется и льется синева дальних пологих холмов. За Кодрами — степь, яркая и пестрая, словно молдавский ковер. Над степью — прозрачный простор без конца и без края. И все бегут и бегут вперед дали — кажется, не догонишь, не поймашь их...

Нет, догнали все-таки! Вот она, Твардица, цель нашей поездки, большое уютное село в степной балке. Нарядилось в гу-

стые сады, сияет на солнце черепичными крышами и белыми стенами, вкусно пахнет острыми травами, перцем, молодым вином и домовитым дымком, гостеприимно распахивает перед нами все двери — заходи в любую! Когда же появилось здесь, в Молдавии, это село с болгарским названием?

...1830 год. В Болгарии турецкая неволя. Понапрасну цветут сады, понапрасну зреет виноград! Хуже смерти, хуже разлуки с родным краем для гордых сердец эта неволя... И сотня семей из болгарского села Твардицы покинула родные очаги и ушла за Ду-

най, в Молдавию, под защиту русского правительства. Выбрали болгары балку Кургыж-Китай и основали здесь новую Твардицу. Как на родине, окружили ее садами, огородами, виноградниками.

...Гостеприимно встретила новых хозяев плодородная Буджакская степь — бывшее дно Черного моря — и на первых порах дала хорошие урожаи.

А потом?

...Мечется по степи одичалый сухой, то здесь, то там машет вздыбленной желтой гривой пыли. Никнут ковыли, мягкие очертания холмов затягиваются мутью. Увядают хлеба, выгорают травы, пересыхают колодцы. Знающие люди предсказывают: все горячее и безжалостней будут с каждым годом суховеи, потому что погибли леса и распаханы степи. Быть пустыне и голуду!

— Да, — подтверждает группа американских специалистов, приезжавших сюда в тридцатых годах нашего века по приглашению румынских помещиков, — через десять — пятнадцать лет наступит конец Буджакской степи!..

Может, так и случилось бы, если бы не дошла сюда Советская власть. Твардицкий батрак и каменщик Антон Папуров в 1946 году стал организовывать колхоз.

И вот в правлении этого колхоза, названного именем В. И. Ленина, мы теперь и сидим, слушаем, как бухгалтер Константин Игнатович Врагалева называет нам цифры...

24 миллиона рублей дохода по-

Его переменяли пруды и леса — армия высоких белых и желтых акаций, кленов и абрикосов, построившихся будто в каре перед неприятелем. И неприятель — сухой — сдал: усталый, лохматый, никого не тревожа, бредет он иногда по степи, то и дело ложится отдыхать у подножий шумных дубрав, полосою уходящих к горизонту. А между полосами, в клетках по сто гектаров, взлелеянные и оберегаемые — богатства колхоза имени Ленина: тускло-золотое море спелой кукурузы, зеленый шелк озимой пшеницы, подсолнух, чуть наклонившийся вперед, словно рать витязей с опущенными щитами. И главное сокровище — перекинутые со ската на скат виноградники, лучшие сорта, тяжелые матовые гроздья, приносящие колхозу больше половины всего дохода!

...Климат другой, да и люди стали другие.

Антон Иванович Папуров теперь Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета республики.

А Домна Степановна Кирова, бригадир? всю свою юность эта маленькая женщина проработала поденщицей у кулаков. А в 1953 году ее имя прозвучало во всей молдавской печати: она стала бригадиром женской тракторной бригады. С трактора и началась любовь Домны Степановны к машинам. Есть у нее права водителя мотоцикла, есть и шоферские права. А что за шофер без машины? И вот появляется во дворе у Кировых новенький

СУДЬБА ТВАРДИЦЫ

Н. ХРАБРОВА

Фото М. САВИНА.

лучит в этом году колхоз имени Ленина.

400 новых домов построено за два года в Твардице.

Семь детских яслей открыто в колхозе, в них воспитывается около 800 детей.

На 30 человек в месяц в среднем увеличивается население села — каждый день в Твардице рождается один ребенок.

Пятьдесят колхозников заявили о своем желании приобрести автомобили. Пока личных автомобилей здесь всего 6, но зато мотоциклов — 215, а велосипедов — 1 600.

Шестьдесят пять человек со средним образованием работают в колхозе, девять с высшим образованием, шестеро учатся заочно в высших учебных заведениях.

И это в селе, три десятилетия назад обреченном на голод!

— Что же здесь произошло? — спрашиваем секретаря колхозной партийной организации Федора Георгиевича Лобытова.

— Климат переменялся! — отвечает он на наш вопрос.

«Москвич», а сама хозяйка дома, бывшая поденщица, становится самой отчаянной автомобилисткой в Твардице.

Так теперь складываются здесь женские судьбы...

...Начинается привычный трудовой день в Твардице. В строго точное время — всегда на рассвете — съезжаются за нарядами к правлению колхоза бригадиры. И вот уже твардицкие щеголихи идут на поля в желтых косынках, красных передниках, с цветами в волосах: такой обычай у них — ходить на работу, как на праздник. Антон Иванович Папуров и Федор Георгиевич Лобытов поехали в бригады. Начался прием у «министра финансов» — бухгалтера Константина Игнатовича Врагалева. Председатель сельсовета Илья Иванович Кирмички помычал «с ветерком» на мотоцикле по своим делам. Утренний холодок щиплет щеки, из-за холмов поднимается свежее розовое солнце. Хороший день разгорается над Буджакской степью!

На механизированном току
2-й комплексной бригады в
колхозе имени Ленина.

Богат урожай кукурузы.

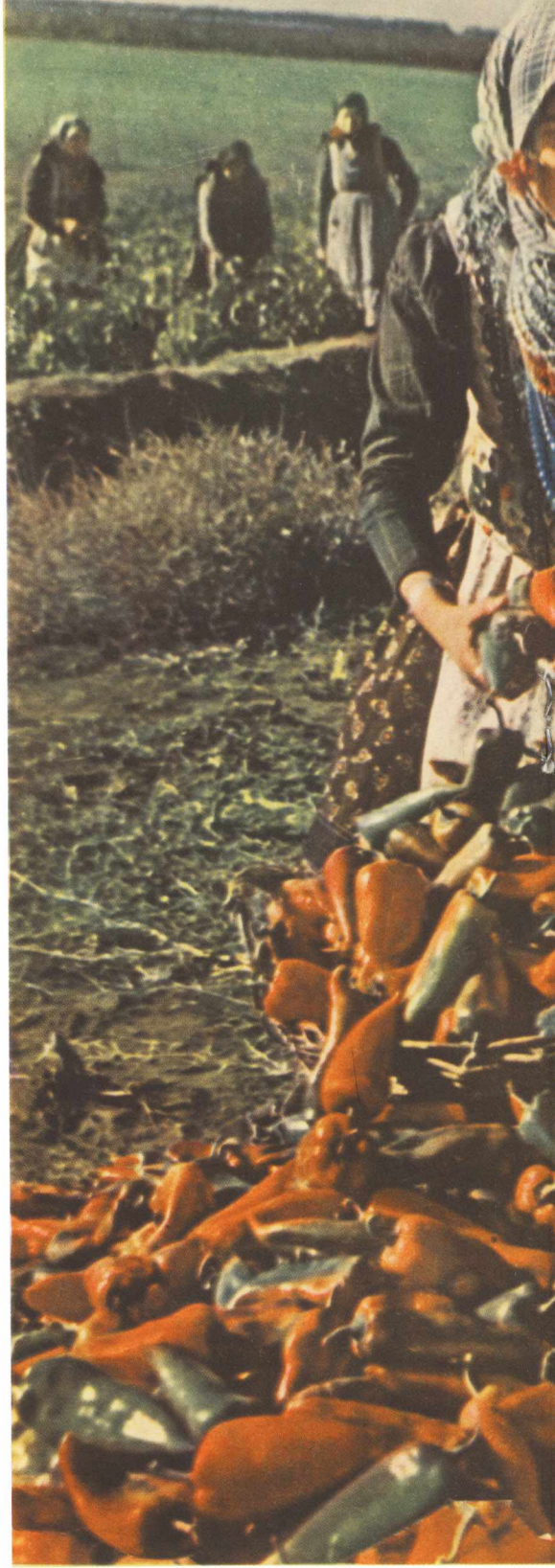

Федора Бибинова собирает виноград.

В колхозе есть свой пункт переработки винограда.

Прасковья Па...

Птичница Степанида Камбур со своими «питомцами».

Даранчева и Елена Даранчи на уборке болгарского перца.

Возле правления колхоза.

В в е р х у: колхозный гараж.

Молодые матери, колхозницы Мария Шавриева и Софья Турлан, принесли своих младенцев в ясли. Принимает детей воспитательница Надежда Попова.

ТЯЖЕЛЫЙ ПУХ

В. КРЮКОВ

Рисунки Ю. Черепанова.

Их торопливо внесли, повесили на цепь вниз головами. Цепь тронулась и поплыла мимо затененных доверху окон...

Не надо настораживаться. Никаких темных дел на окраине Ржева не происходит... На цепь повесили уток. Обыкновенных уток, которых можно видеть на прилавках магазинов. Разница только в том, что на прилавках утки ошипанные и потрошенные, здесь же, у истока конвейера в цехе Ржевского мясокомбината, они еще в перьях. Если хотите видеть, как с них снимают перо, давайте вместе с главным инженером комбината Валентином Михайловичем Катковым и старшим ветврачом Виктором Емельяновичем Ершовым последуем за утками.

Вот цепь приносит их к паровой камере.

— Хозяйки знают: пропарка необходима для того, чтобы было легче снимать перо,— поясняет Ершов.— Установлено, что лучшая температура парки — семьдесят градусов. Если температура ниже, трудно снимать перо; если выше, тоже не годится. Но мы нужной температуры точно установить не можем: терморегулятор камеры рассчитан для работы в пределах от восьмидесяти до девяноста градусов. Поэтому вынуждены регулировать «по-домашнему».

Виктор Емельянович подошел к вентилю паропровода, открыл и полужакрыл его.

Когда тушка утки, пройдя по паровой камере, вышла через другие дверцы, с нее вручную начали снимать перья. Потом цепь конвейера резко повернула к машине, которая очищала перья с головы и шеи. Но прежде чем повернуть, подвеска с тушкой задела за обод, в котором вращалось направляющее колесо конвейерной цепи. Конвейер остановился.

— Останавливается три — четыре раза в смену,— сказала Нина Ивановна Ланскова, начальник цеха. Не теряя времени, она наметанной рукой схватила подвеску и оторвала ее от обода поворотного колеса. Конвейер ожил.

— Вот,— тронул Виктор Емельянович кожу обода,— с тех пор как мы установили конвейер, чуть ли не каждый день зацепы... Мы вынуждены были сами изготовить и поставить этот кожух. А сейчас его винты ослабли.

Приближаемся к первой машине. Из ее широкого раструба летят пух и перья.

— К этой машине мы претензий не имеем,— продолжает Виктор Емельянович.— Но и здесь не без огрехов. Для обработки гуся, например, машина не приспособ-

лена. И другой недостаток есть в машине. У нее слишком маленькое отверстие для выхода пера.

Далее цепь конвейера поворачивала к агрегату очистки пера с крыльев. Он был отключен: сломался. Следующая машина тоже не работала из-за неисправности. Возле каждого из остальных шести агрегатов стояло по одной работнице.

— В общем, тяжелый получается у нас пух,— невесело шутит Виктор Емельянович.

Наконец механизированная линия окончилась. Хотите посмотреть, как ошипана утка? Не торопитесь. Сами авторы проекта в инструкции указывают, что устранять огрехи машинной обработки должны... двенадцать человек.

Но, может быть, эти огрехи окулаются большой производительностью конвейера?

На этот вопрос Нина Ивановна Ланскова ответила так:

— При теоретической производительности конвейера в тысячу восемьсот штук в смену мы больше трехсот — трехсот пятидесяти уток обработать не можем. Слишком велики машинные огрехи. Пришлось применить воскование.

Идем к чану, где плавится смесь воска, канифоли, парафина. С конвейера снимают утку, окунают в расплавленную смесь, а потом опускают в холодную воду. Застывшая смесь снимается, как скорлупа, а вместе с нею — ростки перьев.

— Это позволило повысить производительность вдвое,— поясняет Нина Ивановна.

Специалисты говорят, что не от хорошей жизни применяется воскование. А не восковать — значит довольствоваться обработкой после конвейера всего трехсот — трехсот пятидесяти уток в смену. Это крайне мало. Ведь в цехе двадцать три человека. Вручную, при норме двадцать девять уток

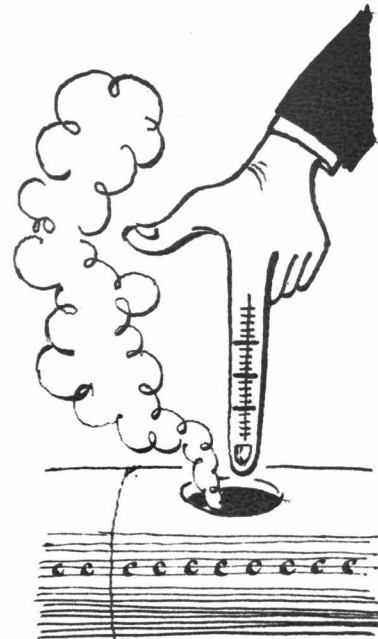
на работницу, они могли бы дать шестьсот шестьдесят семь штук. Но зачем тогда конвейер?

Кто производит такие машины? На машинах конвейера закреплены таблички: «Полтавский завод мясного оборудования», «Харьковский совнархоз». Добавим: отпускная цена конвейера — пятьдесят шесть тысяч рублей.

От этого дорогого, очень длинного конвейера Валентин Михайлович ведет нас к небольшому конусообразному чану. Из трехсот пятидесяти квадратных метров цеха он занимает всего полтора, от силы два метра. Это центрифуга. Внутри нее вращающийся барабан с эластичными пальцами. Сверху в центрифугу «засыпают» птицу, снизу получают обработанную.

— Эту машину нам прислал недавно Калининский мясотрест,— поясняет главный инженер комбината.— Она изготовлена по чертежам Центрального научно-исследовательского института птицепромышленности. Обработывает пять — шесть тысяч кур в смену.

— Только успевай вынимать! — приоткрыл Виктор Емельянович Ершов выходной люк центрифуги.

ги.— Одно обидно: она предназначена лишь для кур. Ошипывает превосходно. Ее могут обслуживать пять человек. Эта машина, можно сказать, — наше спасение. Если б она была пригодна для уток!..

Поражает контраст: на центрифуге пять человек обрабатывали шесть тысяч кур в смену, на конвейере двадцать три человека могут обрабатывать птицы в два раза меньше, чем вручную.

Когда мы вышли из цеха, Виктор Емельянович сказал:

— Большая тревога у нас за такую механизацию. В нынешнем году нам надо переработать уток в двадцать пять раз больше, чем в прошлом! Сейчас-то еще как-нибудь справимся, а в будущем году...

С холма, который занял мясокомбинат, была видна там, внизу, за забором, пойма узкой речки: все белым-бело от «утиного базара». Птицу доставляют сюда из четырнадцати районов Калининской области, а область обязалась вырастить за год полтора миллиона уток. Через три года она будет выращивать до пятнадцати миллионов голов водоплавающей птицы. Поэтому уже сейчас в Вышнем Волочке, Торопце, Нелидове и других городах области строятся и готовятся к монтажу оборудования птицеводческих при мясокомбинатах.

— К нам недавно приезжали инженеры с Калининского машиностроительного завода, чтобы снять копию с конвейера: недостает каких-то чертежей,— задумчиво и сокрушенно говорит Виктор Емельянович.— Конвейер хотя и устанавливали на других комбинатах. На безрыбье, как говорится, и рак рыба: ведь хороших машин для обработки гусей и уток все еще не создали.

Пока мы стояли у цеха, ворота проходной распахнулись, и новое стадо уток неторопливо вошло во двор...

НА ОСЕННЕЙ ПЛАТФОРМЕ

Вл. ЛИДИН

Рисунок В. Высоцкого.

Рассказ

Осень была теплая, вся в слюдянистой паутине бабьего лета, и в город решили переехать только в конце сентября. Каждый день в седьмом часу вечера Варя шла встречать мужа на маленькую платформу «Березник». Ее называли так потому, вероятно, что сразу за платформой начинался березовый лес, в котором терялись дома и дачи только недавно возникшего поселка.

В седьмом часу, несмотря на ясную, крепкую осень, свет становился уже сероватым, притушенным, полным той кроткой умиротворенности, какая всегда бывает в это время года. Варя шла сначала мимо дач, по асфальтированной дороге, потом сворачивала в лес, на тропинку в сторону станции. Деревья, опаленные осенью, уже рыжеватого желтели, люди встречались редко, только те, кто возвращался после работы и с сумками и сетками, набитыми хлебом и продуктами, торопились к дому. В лесу дышалось всегда как-то по-особому, почти с ощущением винного вкуса на губах, словно каждая травинка и каждый лист дерева старался чуть опьянить, прежде чем завянуть или с последним трепетом слететь на землю.

Всегда эти встречи мужа на маленькой станции были для Вари связаны с памятью о первой поре их любви, когда Николай приезжал по воскресным дням и они сразу же уходили со станции в лесные просеки, бродили по ним иногда до самого вечера и она все не решалась познакомить его с матерью. Она жила с матерью в маленьком, обветшавшем после смерти отца домике, в сущности, летней сторожке сначала, построенной при насаженном фруктовом саду. Яблоньки были тогда совсем крохотные, и отец приезжал копаться в земле, окапывать саженцы и белить их стволы к осени. А потом к сторожке пристроили комнату, стало вроде летней дачки, с годами дачку надстроили, и получился дом, неказистый, но теплый, и когда отец, старый инженер на заводе, ушел на пенсию, жили здесь и зимами; а в том году, когда отец умер, разросшиеся яблони были уже тяжело увешаны яблоками, только это никого не радовало теперь.

Потом пошла жизнь без отца, позади осталась школа, началась работа чертежницей в конструкторском бюро на заводе, где работал и Николай и где они впервые увидели друг друга... А когда, наконец, она познакомилась с матерью, было ясно, как все сложится дальше. И вот нет уже и матери, Татьяны Никоновны, только в ее память названа Таней дочь, и странно думать, что это крохотное существо уже ходит, что у него свой язык, который нужно понимать, а всего год назад, когда возвращались со станции, отец потряхивал дочь на плече и Таня визжала и вцеплялась ему в волосы.

Было удивительно, что одни и те же мысли возникали всегда на этой вечерней дороге к станции, одни и те же мысли, грустные, оттого что давно уже не было ни отца с его умелыми трудовыми руками, ни матери с ее душевным теплом; но в то же время мысли были и какими-то словно тонко дрожащими от счастья, что под яблонями ходит сейчас под присмотром соседки — добрейшей Фаины Васильевны, дружившей с матерью, — двухгодовалая Танечка и что они, Варя с мужем, на самом пороге жизни, которую нужно сделать умной и значительной...

Год назад Николай получил повышение, был теперь начальником одного из цехов, завод расширился, строился целый городок для рабочих и служащих, и естественно было, что изменился и характер Николая: вероятно, оттого, что и дел стало больше, возросла и ответственность. Но вместе с тем как-то критически стал он поглядывать на скромный отцовский домик, в котором приходилось поправлять то одно, то другое, а рядом, в новом поселке, строили большие дачи, в поселке жили актеры и кинорежиссеры, дачи были добротные, многие с затейливой архитектурой, и теперь, проходя мимо заборов этих недавно построенных дач, уже приходилось поглядывать на овчарок, хозяйственно бегающих по дорожкам сада.

Но Варя любила отцовский домик, с ним была связана память о детстве и школьных годах, когда она бегала за три километра в сельскую школу, дружила со славными, скром-

ными девочками, дочками железнодорожников и рабочих толевого завода, который был неподалеку; а теперь и они уже давно разошлись в разные стороны, многие вышли замуж, и нередко можно было встретить озабоченную молодую женщину, торопящуюся после работы домой с сумками, и окликнуть ту или другую школьную подругу...

Возвратиться в город только в конце сентября решили в этом году из-за Танечки, у которой было неважно с горлом, но за последнее время Варя стала замечать, что муж приезжает как-то неохотно, иногда он оставался ночевать в городе, привез раз с собой неразговорчивого и сразу не пришедшегося ей по душе какого-то автомеханика Девятова, франтоватого, со стальными, холодными глазами. Николай зачем-то извинялся перед ним за то, что в даче нет особых удобств, и словно стыдился, что руки приходится мыть под ручномойником. Девятов молчал, учтиво пил вино, которое они привезли с собой, и Николая, видимо, тяготила вся обстановка в их доме.

Варя с мужем пошли проводить гостя на станцию, и на обратном пути Николай с каким-то скрытым раздражением сказал вдруг:

— Живут люди, а мы с тобой не то живем, не то нет.

— Как это? — удивилась она.

— Посмотри кругом, какие дачи отгрохали! Я все-таки, откровенно говоря, удивляюсь, как мог твой отец, инженер, в свое время не обстроиться.

— Он ведь сюда только за садом присматривать приезжал, — сказала Варя грустно. — Это уж потом мы начали здесь жить, когда ему предписано было побольше быть на воздухе.

— Все равно, — сказал Николай с жесткостью. — Человек должен по-человечески жить да и думать немножко о будущем. Зря я сюда Девятова привез, просто неудобно.

Она промолчала: что-то новое, еще непонятное ей появилось в муже, но она тут же решила, что он просто устал и действительно трудно ему после работы приезжать за сорок километров.

— Знаешь, — предложила она раз, — давай я поживу здесь до конца сентября с Танечкой... а ты будешь приезжать раз в неделю! Все-таки тебе полегче будет.

Он покосился на нее.

— А я постараюсь сделать иначе, чтобы мне было полегче, — произнес он загадочно. Она не поняла, но не решилась переспросить.

— Хочу тоже жить по-человечески, — уточнил он. — Думаешь, большая радость таскаться в электричке да еще иногда стоять полдороги? У людей кругом машины, только и раскатывают.

— Ты все-таки, Коленка, не можешь обижаться, — сказала она кротко. — На заводе ты только четыре года работаешь, а тебя уже выдвинули... все-таки и зарабатываешь ты достаточно, нам хватает. А с будущего года и я обязательно примусь за работу.

Она была невысокая, со светлыми волосами, собранными в тугой узел, муж был выше нее на голову, лицо у него было удлиненное, энергичное, синеватое от бритья, и всегда приходилось вскидывать на него глаза, когда они шли рядом. Она любила его рослость, уверенный шаг; как-то, увидев выезжавшую из чьего-то сада автомашину, она подумала, что Николай, наверно, хорошо управлял бы автомобилем, но подумала не потому, что хотела этого, а чтобы мысленно дополнить его сильный, энергичный образ.

— Наверно, и отец твой так же рассуждал, — усмехнулся он вдруг недобро. — Нам хватает, и ладно! Вот ты и осталась с этой халупой.

Ее задело, что он так говорит об отце.

— Коля, пожалуйста, — сказала она твердо, — никогда не говори так о моем отце! Мой отец был самый лучший на свете.

Он ничего не ответил, но то, что он промолчал, обидело ее.

Потом как-то еще раз приехал Девятов, на этот раз на машине, но в дом не зашел — направлялся к кому-то на дачу и заехал по пути. Николай сел к нему в машину, они поговорили о чем-то, и Девятов уехал.

— Зачем он приезжал, Коля? — спросила Варя мужа.

— По делу, — ответил он коротко.

Она подумала о том, какие дела могут быть у него с этим человеком, но ничего больше не спросила.

Она шла теперь к станции вечерующим лесом. Если поглядеть издали, то часть леса белая с чернизной, как старинное серебро: это березы, а часть оливково-зеленоватая, и даже стволы деревьев оливковые: это осины, — а все вместе такое нежно-золотистое, как это бывает только в бабье лето, в пору увядания и вместе с тем возвращенного человеку тепла... Она шла, глубоко вдыхая воздух, и все те неровные мысли, которые тревожили в последнее время, как-то сами собой отошли; была осень, был их маленький домик, в котором она знала все, до каждой потемневшей от времени половицы, была Танечка с ее миром, и яблоки уже поспели, яблоки, в которых была как бы частица жизни и отца, и матери, и ее, Вари... Все-таки это было так счастливо, что она идет к вечернему поезду встречать мужа после работы, он придет, отец Танечки, через две недели можно будет перебраться в город, начнется московская зима, всегда по-новому милая, со снегом и морозцами, в их маленькой квартире тепло; конечно, много хозяйственных забот, но они не тяготят, если рядом все то, что связано со счастьем человека.

Она прошла через лес, вышла на поляну, по которой тянулась траншея с отвалами земли: для поселка строился водопровод, и уже белела свежим тесом недавно ушедшая ввысь водонапорная башня. Жизнь, жизнь! Потом Варя поднялась по ступенькам высокой платформы. С платформы, пустой в этот предвечерний час, далеко видны были леса вокруг, зеленые и красные крыши домов, затерянных в гуще деревьев, и где-то, невидимый в этой не совсем еще облетевшей зелени, и их маленький домик. Было даже нечто трогательное в том, что он затерян, лишен высокомерия этих новых дач вокруг с большими верандами и какими-то башенками, словно предназначенными для астрономов, — это просто их сердечное, дорогое ей по памяти детство и юности жилище, с садиком, в котором уже желтеет зимний апорт, любимые яблоки отца, с Танечкой, гуляющей сейчас под присмотром соседки Фаины Васильевны по дорожкам сада...

Пути широким изгибом уходили в глубину осенних лесов, шпалы и щебенка между ними были отчего-то железистого йодно-коричневого цвета, и по обе стороны платформы значилось ее название — «Березник». Было что-то близкое и в этом названии, как бы сохранявшем в себе тишину и мир. Варя села на скамейку и стала ждать. Если задуматься, то это так странно, что она когда-то школьницей прибегала сюда, тогда еще не было ни платформы, ни мачт с проводами, а бежали только рельсы куда-то, в воображаемые дали... и вот теперь она молодая мать, и дали приблизилась, стали ее жизнью.

Потом показался поезд, он подошел почти бесшумно, сошло очень мало людей, и у Вари, когда она издали увидела мужа, как-то мягко стиснула сердце нежность к нему. Он шел к ней, высокий, чем-то, видимо, довольный, так как слегка улыбался, и она заспешила, почти побежала к нему навстречу. Он сразу взял ее под руку, и пришлось вскинуть глаза, чтобы увидеть его лицо, твердый синий подбородок и чему-то улыбающиеся давние глаза. Они были давними, потому что улыбались, как в ту пору, когда по воскресным дням Варя ждала его, и они часами бродили по просекам, и она все не решалась познакомиться с матерью.

— Что бы ты сказала, — спросил он, когда они спустились с высокой платформы, — если бы я стал возвращаться теперь несколько иначе?

— То есть как, Коленка? — Она не поняла и только теснее прижалась к нему на ходу.

— Как? Ну, скажем, на машине.

— На машине? — удивилась она. — Но откуда же?..

— А... — Он махнул рукой. — Надо уметь жить, Варя!

Она минуту еще шла, прижавшись к нему, потом чуть отстранилась.

— Ты что же, купил машину? — спросила она.

— Конечно, купил... В общем, машина есть, а остальное несущественно. Будем теперь ездить с тобой на машине.

— Коля, — сказала она твердо. — Ты ведь от меня никогда ничего не скрывал... зачем же сейчас ты говоришь со мной так неуважительно?

— А что я должен тебе сказать? Конечно, я никого не резал и не украл машины. Просто маленькая комбинация... спасибо Девятову. — Он помолчал, как бы прикидывая, стоит ли уточнять. — Словом, на заводе ликвидировали после аварии одну из машин, ну, а мы с Девятовым умненько подобрали ее и восстановили. А тут нашелся подмосковный колхоз, у которого была почти новая «Победа», а ему позарез требовалась грузовая машина: завел парники, овощи нужно доставлять в Москву. Впрочем, зачем тебе подробности? В жизни все просто, если живешь с умом, и чертовски трудно, если только на все оглядываешься.

В сетке, которую он нес в руке, были арбуз и бутылка вина.

— Я в твою «Победу» не сяду, — сказала Варя.

Он покосился на нее.

— Видишь ли, посвящать тебя в свои дела я не намерен... да и терпеть не могу, когда жены вмешиваются в дела своих мужей.

— Я не вмешиваюсь... но мне машина не нужна, и я в нее не сяду.

— Ты просто клушка, — сказал он резко. — Клушка со своей халупой, в которой не только людей принимать, но и жить стыдно. А яблоки я могу в магазине купить, и получше, чем в твоём саду. Будет все так, как я хочу, и не иначе.

Они шли дальше молча. Что-то словно навсегда осталось позади, на маленькой осенней платформе с ее йодно-коричневыми шпалами, по которым уходят в далекие дали рельсы. Что-то непоправимое произошло на ней, и теперь ее кроткое название «Березник» звучало почти иронически, словно она, Варя, придумала то нежное и счастливое, что составляло ее жизнь и с чем полчас назад она ждала мужа. Все то, что нравилось ей в нем: мужественность, широкий шаг, энергичные складки на лице, — все вдруг как-то жестко обострилось, словно говорило о дурном, себялюбивом, выискивающем только свое, для себя... Тот, которого ждала она когда-то, ждала смятенно и нежно, не умея ничего скрыть, и этот, шагавший сейчас рядом с ней, были совсем различные и столь непохожие один на другого, что об этом было страшно думать.

— После двадцатого переедем в город, — сказал он, ощущая, что их молчание недобро затянулось. — Да и по сводке погоды ожидается дожди к тому времени.

Она ничего не ответила, и он не понудил ее к ответу. Она шла чуть позади, глядя перед собой на тропинку, на носки своих летних туфель, — всегда, покупая ей туфли, Николай умилялся ее маленьким ногам. Но это было не нужно теперь, и она ужасалась внезапной пустоте, сменившей все то, что наполняло ее по дороге на станцию. Она знала, что это будет только расти, что то новое, появившееся в Николае, не изменишь ни упреками, ни доводами, что Девятов со своими холодными, стальными глазами твердо целил, зная, что не ошибся в выборе цели, и что она, Варя, ни за что на свете не переменит отцовский дом ни на какие затейливые дачи с верандами и овчарками за заборами... что ей не нужно это, как не нужно было и отцу, но Николай нелегко отступится от этого и будет только все больше и больше терять ее. Она вспомнила все, что было за последний год: его презрение к неумелости отца построить прочный дом, насмешка над самым дорогим ей по памяти, — и она думала теперь: пусть вскрылась бы проделка с автомашиной, пусть случилось бы самое худшее, но вместе с тем единственное, что могло бы заставить Николая задуматься над тем, куда он свернул.

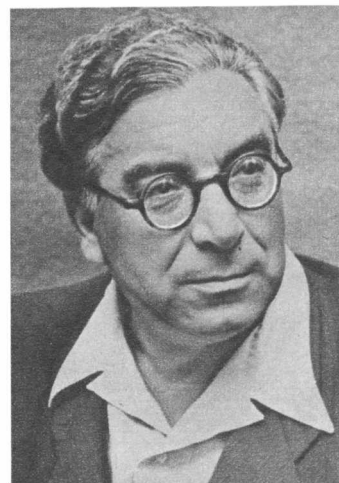
— Ты что оттаешь? — спросил он подозрительно, приостановившись и оглядываясь на нее.

— Песок попал в туфлю, — ответила она.

Он пошел дальше, и она последовала за ним, отставая, глядя только перед собой, на тропинку, по которой столько раз, полная счастья и веры в предстоящую им жизнь, топилась к маленькой платформе с ее убегающими путями...

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

К 60-летию со дня рождения

ОСЕНЬ

Гнедые да буланые дубы
Линяют к осени звериной шерстью...

Что я умел? Я только мог любить,
Я только сердцем порывался к сердцу.
Любовь связала нитью лучевой
Меня с народом, с миром, со вселенной,
Она вставала из любого тлена
И вновь творила все из ничего;
Я жил и вечно слышал за собой
Ее дыхание, как запах сада,
Полярной стужею дыша с надсадой,
Из красных плавней подымаясь в бой
Или разлуке скармливая печень.
Но оттого, что я всегда светил,
Что молнии души ей посвятил,
Я очень мало посвящал ей песен.

Да и к чему сонеты да баллады?
Ведь ты испепеляла самый стих,
Во мне самой поэзией была ты,
Я сквозь любовь бессмертие постиг.

Но стонет ветер стоном страстотерпца...
Листва сошла,
И встали на дыбы
Морщинистые мамонты-дубы.
Ужасные.
С изображеньем сердца.

* * *

Годами голодаю по тебе.
С мольбой о невозможном засыпаю.
Проснусь — и в затухающей мольбе
Прислушиваюсь к петухам и лаю.

А в этих звуках столько безразличья,
Такая трезвость мира за окном,
Что кажется: невысказанно разлит
Моей тоске со всем ее огнем.

А ты мелькаешь в этом трезвом мире,
Ты счастлива среди простых забот,
Встаешь к семи, обедаешь в четыре —
Олений рев тебя не позовет.

Но иногда, самой иконы строже,
Ты взглянешь исподлобья в стороне —
И на секунду жутко мне до дрожи:
Не ты ль сама тоскуешь обо мне?

— Счастливого пути! — Спортсмены домоуправления № 13 едут на соревнования.

Фото С. Розенфельда.

В НАШЕМ ДОМЕ

Ильзе КАЛЛАС

Я прочитала в № 35 «Огонька» очерк «Двор и улица» и решила написать письмо в редакцию, немного рассказать об опыте работы нашего домоуправления с детьми: думаю, обмен мнениями об этом сложном и нелегком деле будет полезен.

Улица... Хорошо помню, как десять лет назад, приступив к обязанностям управдома, я обходила свои «владения». Мои улицы еще носили следы войны и были завалены кучами строительного мусора. Но не это огорчало меня: мысленно я уже тогда видела их прямыми и чистыми, какими они стали теперь, хотя и знала, что работа по их благоустройству, по проведению газа, телефона и т. д. займет много времени. Меня огорчали дети, я то и дело натыкалась на них в самых неподходящих и даже опасных местах: у канализационных колодцев, на середине мостовой, на чердаках, откуда, оказываясь, так интересно сбрасывать мусор на головы прохожим. Расспросив родителей, я узнала, что в нашем домоуправлении много ничем не занятых детей.

Советуемся с тогдашним нашим инженером Хансом Эско: что же делать?

«Надо обязательно занять их чем-нибудь! — энергично говорит

Эско. — Давайте повезем их для начала куда-нибудь на экскурсию».

Повезли на экскурсию, потом собрали их в одном большом дворе и устроили встречу с человеком особенной, интересной для ребят профессии — с водолазом. Ох, сколько ребят собралось! Даже и не предполагала, что их так много в нашем доме. И как они слушали! Знаете, как дети умеют слушать, когда им интересно? Ну, прямо не переводя дыхания! Потом мы собрали их у себя в домоуправлении и устроили шахматно-шашечный турнир. В шашки и шахматы я сама играю, сама и научила многих. А как быть дальше? Ребята просят:

«Тетя Каллас, поучите нас петь, танцевать, играть в футбол».

И, кроме того, приходят в домоуправление с заманчивыми предложениями:

«Пойдемте с нами играть, гулять...»

Выход из положения один — привлечь родителей, и не только родителей, а дедушек и бабушек и самых старших ребят. Так у нас возникли три органа, которые действуют вот уже десять лет: родительский комитет, комиссия содействия и совет самих ребят; теперь он у нас делится на два: детский и юношеский.

Ребят интересуют больше всего игры, спорт, танцы, пение. Вот мы и создали для них кружки — хоро-

вой и танцевальный, драматический, кукольный театр, кружок по рисованию и фотоаппарату и «Умелые руки». Обратились с просьбой к педагогам, деятелям культуры и искусства помочь нам наладить кружки. Как правило, на наши просьбы охотно откликнулись. Правда, в первые годы руководители кружков часто менялись. Но это не пугало нас: не бросать же хорошего и полезного дела из-за первой неудачи. И мы снова беспокоили своими телефонными звонками и визитами нужных нам людей. Так у нас сложился дружный и до изумления преданный нашим детям коллектив руководителей кружков. По шесть лет подряд работают у нас Артур Моора — преподаватель пения в 22-й школе и Эрнст Каннель — учитель танцев. Давно дружат с нашими ребятами антриса Айно Тамп — руководительница кукольного театра, художник Л. Коккамяги, руководитель фотокружка В. Райдом и аккомпаниатор Принт Кууск.

Я абсолютно убеждена, что в каждом городе, в каждом домоуправлении найдутся такие люди, — стоит только поискать их, поговорить с ними.

У нас большой родительский актив — даже не десятки, а сотни родителей привлечены теперь к работе с детьми. Но в первую очередь я хочу назвать нашу «могучую

тройку» отцов, с помощью которых мы подготовили солидную материальную базу, — это Борис Ярва, Эрих Ыунапуу и Карл Рензер. Они помогли нам построить игровую площадку с большим слоником для катания, с качелями, каруселью, бассейном и песочным ящиком. С этой площадки и начинается общественная жизнь ребят; сюда приходят четырехлетки, а через год — другой они переходят в клуб, в кружки, на спортивную площадку.

Да, у нас есть свой собственный клуб — создание наших рук и поэтому наша гордость. Я уже говорила, что вначале мы собирали ребят в помещении домоуправления, в больших дворах, на квартирах у родителей. Но членов клуба все прибавлялось и прибавлялось, и никакие квартиры уже не могли вместить их. Нам пошли навстречу и выделили здание для ребят.

Ярва, Рензер и Ыунапуу переехали здание в хороший клуб с удобной сценой и разнообразными декорациями. У нас есть несколько человек, умеющих рисовать, и декорации получаются веселые, красочные. Началась пора увлечения театром: нет таких детских пьес, которые не поставил бы наш драматический кружок. Сотни костюмов — воробы и муравьи, стрекозы и бабочки, тигры и гномы, снежинки и цветы — сшили старшие девочки под руководством мам и бабушек. Много, очень много хорошего сделал для нас начальник Таллинского городского жилищного управления Феликс Локки; с его помощью мы приобрели телевизор и спортивный инвентарь. Работать стало еще интереснее.

Наш клуб открыт ежедневно с утра до вечера. И есть график дежурства родителей.

Есть у нас и свои большие традиционные праздники. Три раза в год мы устраиваем карнавалы — весенний, осенний и зимний, на катке. Летом, в вечер эстонского народного праздника Янова дня, проводим праздник костра; весной, перед началом летнего спортивного сезона, приглашаем ребят к чаю и на концерт, а осенью, в конце спортивного сезона, устраиваем большой спортивный праздник с вручением дипломов.

Обычно мы принимаем в клуб ребят с четырех лет. Но с нынешней осени решили создать еще одну группу: от двух до четырех. Уже записалось тридцать малышей! И сейчас руководители кружков разрабатывают для них специальные программы.

Заботу о детях проявляют и другие таллинские домоуправления.

Но этого, конечно, мало! Ведь в каждом доме можно организовать веселый и интересный детский клуб. Вначале для этого потребуются, не скрою, много времени. Зато потом, когда все, как говорится, «пойдет по маслу» — а уж ребята сами постараются, — тогда и времени понадобится не так уж много. И хорошие помощники появятся.

У меня тоже есть такой приятель и «правая рука» — тринадцатилетний мальчик Антс Ракки. Нынче летом он был душой спортивного коллектива. И когда пришло время ехать в гости к дяде на далекый и заманчивый остров Хийумаа — Антс давно уже мечтал поехать туда, — он отказался. И объяснил это так:

— Я не могу нигуда уехать: как же я брошу ребят? Ведь я ответственный за тренировки, а какая же это ответственность, если я надолго уеду?

Все лето Антс провел на воздухе, с товарищами, в тренировках, спортивных схватках. Мальчики выткнулись за лето, окрепли, загорели. Разве это не радость для всех нас?

Весной мы праздновали своеобразный юбилей: десять лет работы домоуправления с детьми. К нам на торжество приехал представитель Министерства просвещения республики и неожиданно вручил мне значок «Отличник просвещения».

Я с гордостью ношу этот значок, которым отмечают деятельность передовых педагогов. У меня нет педагогического образования, и с тем большим основанием я хочу обратиться ко всем управдомам нашей страны: мы можем и должны позаботиться о детях, живущих в наших домах! И если кому-нибудь потребуется совет, подробный рассказ о наших методах и планах — я ведь рассказывала только в общих чертах, — мы охотно напишем обо всем.

Таллин. домоуправление № 13, улица Роху, 8-а.

Фридрих Шиллер.

ШКОЛА ЧУВСТВА И МЫСЛИ

Шиллер родился 10 ноября 1759 года, двести лет назад. Жизнь его была не слишком долгой: 9 мая 1805 года Шиллера не стало. Родина его — Вюртембергское герцогство. Сын военного лекаря, он готовился к той же профессии в академии, основанной герцогом Карлом. Первая драма Шиллера, «Разбойники», поссорила его с деспотическим государем, и Шиллер бежал из Вюртемберга. После нескольких лет скитаний он обосновался в Йене, при университете, в качестве профессора истории. Но жизнь Шиллера не устроилась. Германия того времени была нищей страной, она не могла содержать своих писателей и ученых. Шиллер бедствовал до конца своей жизни, туберкулез подрывал его силы. Но все это не лишило его духовной бодрости. Сильный, самостоятельный мыслитель, он создал несколько замечательных сочинений по философии искусства, где попутно трактуются важнейшие вопросы социального развития, организации труда в человеческом обществе. Шиллер также автор двух больших исследований по новой истории Европы. Он написал роман в прозе «Духовидец», он автор лирико-философских стихотворений, баллад, ему принадлежат многочисленные драмы в прозе и в стихах. Все созданное Шиллером проникнуто высокофилософским духом. Шиллер — человек той эпохи в истории Германии, когда складывалась ее классическая философская мысль.

Важнейшее дело Шиллера — его драмы. В эпоху Шиллера на континенте Европы подготовлялась буржуазная революция, подорвавшая господство феодального общества. Нигде в Европе старый режим не оказывал на общество такого невыно-

симого давления, как в Германии, нигде он не был так отвратителен и уродлив. Поэтому в драмах Шиллера общественный протест достигает чрезвычайного накала и вместе с тем восставшие обречены. Таков эпизод «Разбойников», первой революционной драмы Шиллера. Обличительные мотивы особенно резки в драме «Коварство и любовь». Энгельс сказал, что «Коварство и любовь» — «первая немецкая политическая-тенденциозная драма». В ней нет мятежей, как в «Разбойниках». Герои драмы Фердинанд и Луиза хотят только сами устроить свою личную судьбу. Но и это уже есть дерзость и вызов, за которые они трагически поплатились.

В поздних своих драмах Шиллер трактует темы всемирной истории. Почти всегда это темы освободительной борьбы. В «Дон Карлосе» — борьба Нидерландов за национальную самостоятельность, против испанского владычества, за свободу личности, против режима испанской инквизиции; в «Орлеанской девице» — борьба французов против завоевателей-англичан; в «Вильгельме Телле» — борьба швейцарцев против гнета австрийского государства. В драмах Шиллера борьба за свободу становится делом вооруженных народов. Шиллер взирал на мир с возвышенных позиций и всюду видит освободительную энергию, которая в конце концов прокладывает себе дорогу. Драмы могут казаться философски-созерцательными, однако они полны уверенности, что и для Германии наступит праздничный час: если свобода — закон всемирно-исторической жизни, то закон этот действует и в судьбах Германии.

Величайшее создание Шиллера — трилогия «Валлен-

штейн». Здесь выводятся на сцену люди и события Тридцатилетней войны, волновавшей когда-то Германию. Трагическая вина Валленштейна, полководца, политика, человека, в том, что он стремится использовать исторические обстоятельства в узколичных целях и хочет не обновления Германии, а собственного владычества над нею.

Не случайно после «Валленштейна» Шиллер занялся историей Смутного времени в России. Трагедия о Дмитрии Самозванце «Димитрий» осталась незаконченной.

В своих драмах Шиллер старался примирить два стили, противоположных друг другу: стиль французского классицизма и стиль Шекспира. Чрезвычайная художественная обобщенность у него от классицизма, а от Шекспира — стремление вносить в драму живые личные краски, историческую характерность, передавать движения человеческих масс. В «Орлеанской девице», «Валленштейне», «Вильгельме Телле» очень важны массовые сцены. Шекспир мог учить Шиллера построению массовых сцен; самый же интерес к действиям народа возник у Шиллера под впечатлением французской революции, показавшей, как велика роль масс в истории.

С Шиллером у нашей культуры древняя и крепкая связь. Жуковский своими переводами сделал баллады Шиллера и его «Орлеанскую девицу» достоянием русской поэзии. Издавна Шиллер, герои Шиллера, миропонимание, свойственное Шиллеру, составляли особую тему размышлений для русских умов. Уже из Пушкина мы помним: «Поговорим... о Шиллере, о славе, о любви». В романах Достоевского не однажды обсуждаются шиллеровские проблемы, в «Братьях Карамазовых» слышны отголоски шиллеровской «Песни к Радо-сти». К Шиллеру часто обращалась мысль и Александра Блока.

В истории русского театра драматургия Шиллера — особая глава. Через шиллеровский репертуар сложилось многое в актерской манере Мочалова, и, очевидно, даже лучшую свою роль, Гамлета в трагедии Шекспира, Мочалов трактовал не без оттенков, под сказанных шиллеровской драматургией. Ермолова, играя Жанну д'Арк, воодушевляла нашу молодежь, воспитанную на идеях и настроениях революционного народничества. Связь с Шиллером по-новому поддерживалась и в советское время. Шиллер сразу же вошел в репертуар театра, возникшего в первые годы революции по инициативе М. Горького и А. Блока, ныне Большого драматического театра имени М. Горького в Ленинграде. На сцене этого театра подвизался замечательный актер Н. Ф. Монахов, и сегодня памятный в роли короля Филиппа. В репертуар советской сцены входят «Разбойники», «Коварство и любовь», «Заговор Фие-ско», «Дон Карлос», «Мария Стюарт». Для наших юных зрителей Шиллер — общеобразовательная школа чувства и мысли.

Четыре раза предпринималось издание сочинений Шиллера в русских переводах; из них два издания приходится на советское время.

Сегодня мы помним Шиллера как давнего хорошего знакомого, имеющего, кроме своей биографии, немецкой, всемирной, еще особую биографию в нашей стране — очень длительную и обладающую немалыми духовными богатствами.

Н. БЕРКОВСКИЙ

Беспокойная судьба

Нет, человек создан не для одиночества и тишины! Эта мысль — девиз нового романа карельского писателя Антти Тимонена «Родными тропами», итог раздумий его главного героя Вейнко Ларинена, который попадает в такие ситуации, что, кажется, мог бы поддаться малодушию и пессимизму.

Ларинен — старший про- раб одной из строен Карелии, кристально честен, а его обвиняют в служебных злоупотреблениях. Он страстно любит свою жену, а его упрекают в моральной распущенности. Он добросовестно и старательно делает свою работу, а инструктор райкома партии Лесовоев заявляет, что именно Ларинен развалил строительство, и требует его исключения из партии.

Сцена заседания бюро раскрывает и силу и слабость героя: его растерянность, неумение владеть собой. Он подается огрызается, вместо того чтобы доказать ложность обвинений. Ларинен умеет защищать других, а не себя. В то же время Тимонен показывает уверенность героя в том, что он вернется в партию, что справедливость восторжествует.

Ларинен — человек обычной советской биографии. Сын бедного крестьянина, он страстно любил деревню, учился в сельскохозяйственном техникуме, участвовал в войне, а затем по зову партии пошел на строительство: там после войны было труднее всего. Побывав в родном колхозе, увидев, как плохо там идет работа, Ларинен понял, что его место в деревне. Он пошел туда председателем колхоза.

Но Вейнко Ларинен очень доверчив и плохо разбирается в людях, он резок, не замечая, как своими обидными шутками восстанавливает против себя многих людей. В то же время Ларинен многое прощает людям; он простил свою жену, когда та, разочаровавшись в своем

Антти Тимонен. Родными тропами. 1958. Петрозаводск. 254 стр.

возлюбленном, вернулась в семью. Именно своей человечностью он привлекает симпатии тех, кто с ним знакомится.

Автору удаются и эпизодические образы рабочих строительства, крестьян в родной деревне Ларинена.

Много места в романе занимают лирические отступления; они придают повествованию теплоту и взволнованность. Тем более, что манера письма Тимонена суховата. Но когда автор начинает писать о дорогах ему памятных обычаях и нравах Карелии или воссоздавать ее пейзажи, он становится поэтом. Вы видите и знаменитую карельскую баню, и озеро Онго с лунной дорожкой, и строительные контуры Петрозаводска, который издали приветствует вас лесом кранов.

Тимонен — прирожденный журналист. В его биографии много общего с его героем; он всегда был на трудных участках жизни. У Тимонена много книг, рассказов, очерков. От произведения к произведению растет мастерство, исчезает газетная скороговорка, свободней и уверенней разворачивает он сюжет, многогранней лепит характеры. Тимонен умеет видеть то новое, что диктует жизнь, и поэтому его книги ставят волнующие вопросы современности.

Л. ИСАРОВА

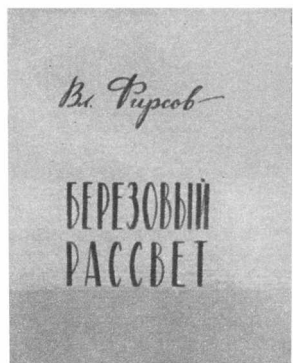
Просторы смоленские

Студенту Литературного института имени А. М. Горького Вл. Фирсову двадцать два года. Это его первая книжка. Вместе с молодостью поэт донес до читателя обаяние родной природы. В лирических зарисовках проходят близкие и впечатляющие картины смоленских просторов. Как наибольшую удачу хочется отметить умение поэта превратить пейзажи родных полей в большой образ Родины.

В стихах Фирсова почти нет внешних признаков времени, но поэт находит верные приметы сегодняшнего дня, незаметные детали, благодаря которым его стихи звучат глубоко современно.

Лирический поэт со своей явно намекающей интонацией Вл. Фирсов находится в обычном свои поэтические краски. Мир для него «не уходящая весна», будущее светло и радостно. Образ любимой сливается с образом Родины:

Вл. Фирсов. Березовый рассвет. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1959. 95 стр.

Мне тебя, как светлую Россию,—
Слышишь? —
Никогда не разлюблю!

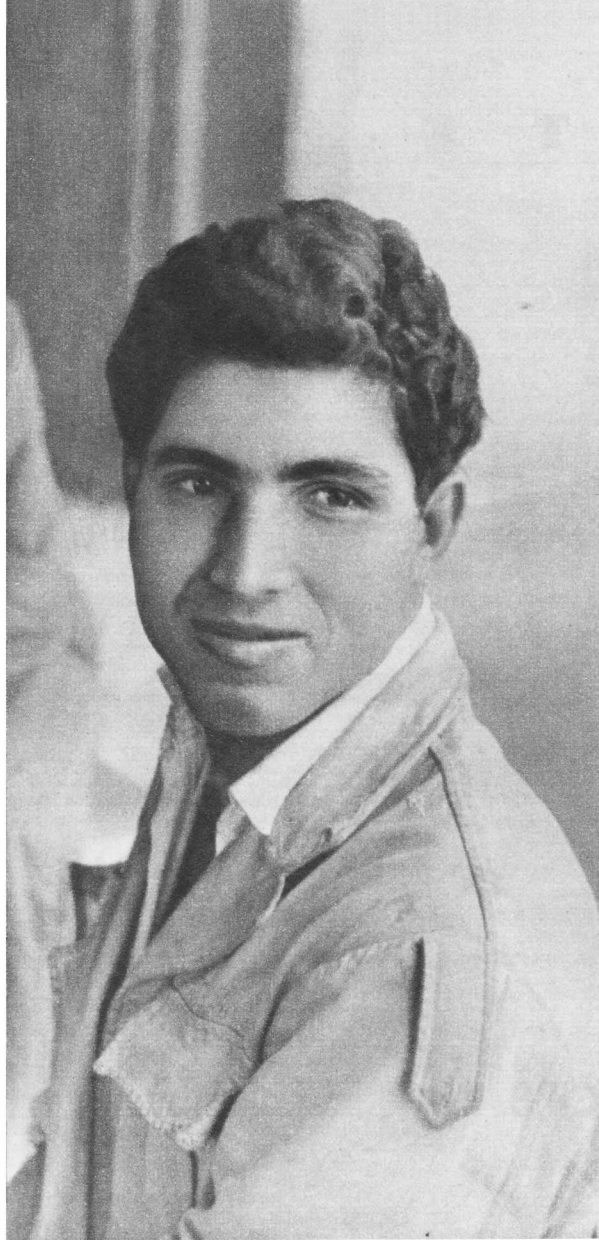
Лучшие стихи книги: «Глинка в дороге», «Вечер», «В осеннем лесу» — говорят о самостоятельности пути поэта, о большой дороге, которая лежит перед ним, дороге нелегкой, требующей от путника напряжения всех сил.

Н. НЕКРАСОВ

Строитель.

Молодость Туниса. Портовый рабочий.

Василий ЗАХАРЧЕНКО

Фото автора.

По-арабски «садака» означает «дружба».

Впервые я услышал это слово на свадьбе в небольшом городке Эль-Джем.

Так уж положено по древней традиции: жених должен сидеть на свадьбе спокойно и торжественно, словно все происходящее его не касается, словно он присутствует на празднике не как главное действующее лицо, а в качестве застывшего памятника, у подножия которого разворачивается замысловатое действие старинного обряда.

И вот он сидит, закинув голову, выпрямившись, в красной шапочке и в белом складчатом халате, а праздник кипит вокруг него. Друзья и приятели танцуют, поют и болтают. Куча любопытных ребятишек, чуть отсиснутая в сторону, щебечет, словно птичья стая, и старики-арабы с лицами, опаленными солнцем, в белых накидках и сандалиях на босу ногу, двумя широкими крыльями окружают неподвижного жениха.

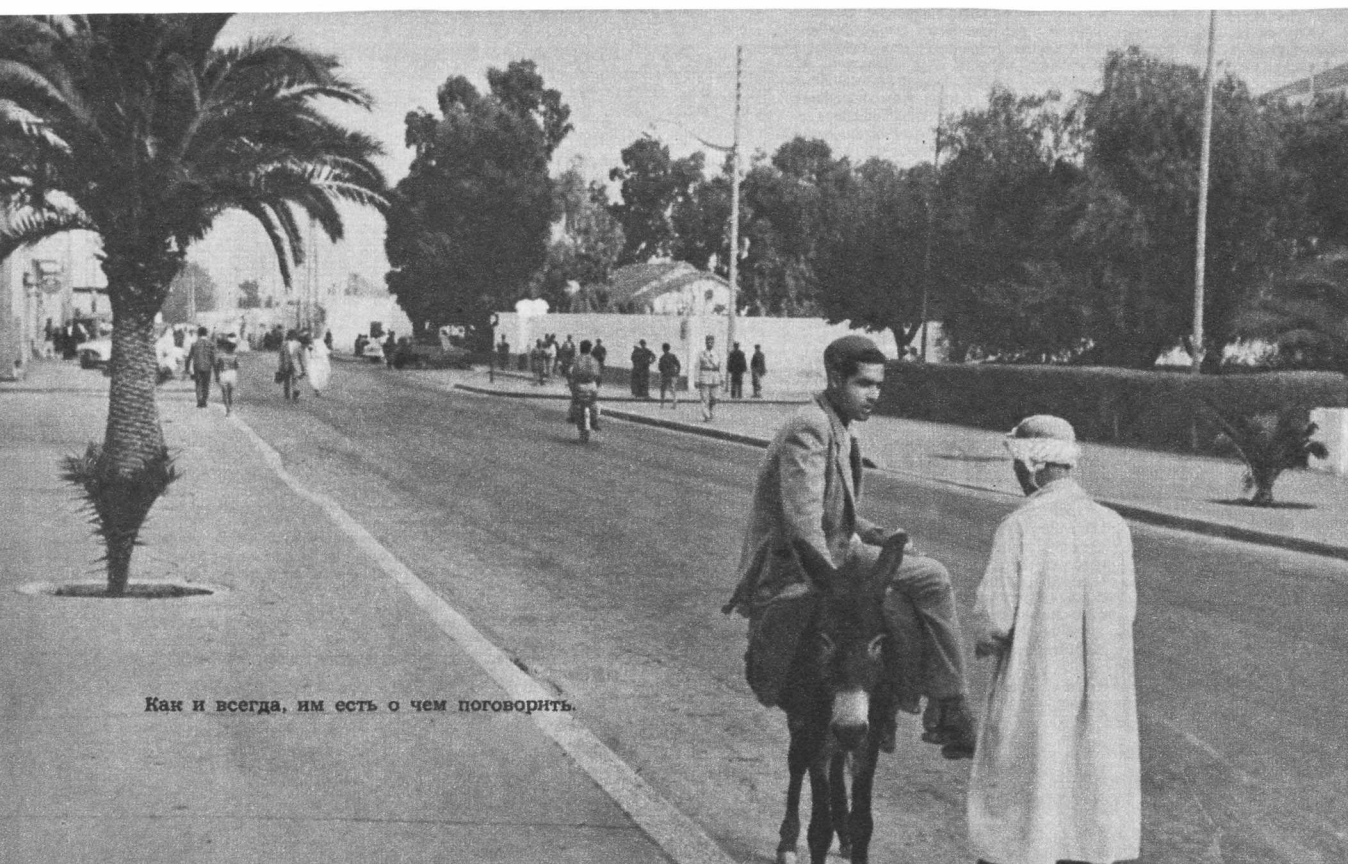
Неистово грохочет свадебный оркестр. Он состоит из двух барабанов и пронзительной флейты, которая выводит мелодию, а барабаны лишь вторят ей тяжелыми вздохами.

Все это происходит почти в доброй сотне километров от знойного берега Средиземного моря, на границе оазисов и пустыни, в крохотном тунисском городишке Эль-Джем. За спиной у праздничной толпы, вонзаясь в небо, отвесными стенами встает поразительное по масштабам каменное сооружение — Колизей, воздвигнутый римлянами. Он был построен две тысячи лет тому назад. Изглоданный ветрами, опаленный африканским солнцем, подернутый пылью пустыни, он высится, подобно скале, на блекло-пыльном плато. Сооружение значительно больше знаменитого Колизея в Риме, да и сохранилось оно к тому же гораздо лучше. Городок Эль-Джем жмется к каменным стенам. Арена Колизея, расчищенная для туристов, окружена многоярусными сиденьями с остатками мраморной облицовки. Говорят, что Колизей мог вместить некогда до 85 тысяч человек. В центре его сохранились подземелья, из которых в специальных клетках поднимали на арену диких зверей и гладиаторов.

...Но все это бесконечно далеко от нас. Все это запорошено пылью времени. Диву даешься, мысленно представляя себе, сколько рабов трудилось здесь в римские времена, если рабы смогли создать две тысячи лет тому назад такое строительное чудо! Как должна была плодоносить и цвести когда-то эта земля, такая скупая и прокляенная солнцем сегодня!

Доктор Бен Милад, заместитель председателя тунисского общества «За свободу и мир», с кото-

«САДАКА» — говорят тунисцы

Как и всегда, им есть о чем поговорить.

рым мы приехали в Эль-Джем, подзывает к себе распорядителя праздника, разбитного человека с функциями тамады, и что-то тихо говорит ему.

Тамада зычно провозглашает:

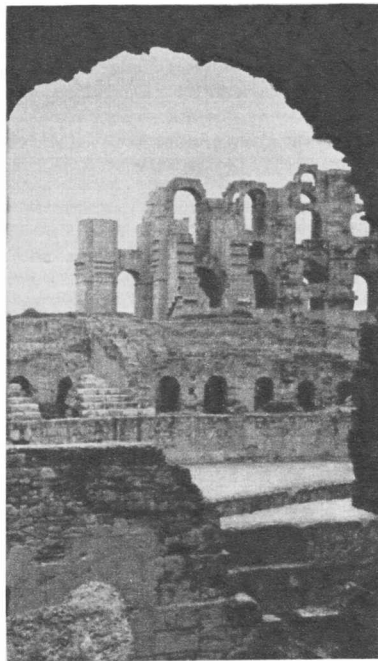
— Доктор Бен Милад передает деньги оркестру с тем, чтобы музыканты играли во славу советских людей, запустивших спутники и ракету на Луну!

Оркестр из двух барабанов и дудки неистово гремит под одобрительный гул толпы. Советские люди — это мы, несколько человек, прибывшие в Тунис в составе делегации сторонников мира. Не мы запускали спутники, не мы рассчитывали траекторию лунной ракеты. Но нам выпала великая честь представлять сегодня народ, первым открывший двери в космическое пространство.

— Спутник, спутник! — совсем по-русски повторяют смуглолицые люди, которые никогда не видели Советской страны, которые никогда не слышали русского языка, но для которых это слово стало таким же близким и родным, как и для всех людей земли.

— Садака! — говорит кто-то.

Где бы вы ни были в Тунисе, история ни на час не оставляет вас, история существует параллельно с жизнью. Трудно представить себе эту древнюю страну без римских колонн, невесть как попавших в современное сооружение, без архитектурных остатков былого ве-

Развалины Колизея в Эль-Джеме; он больше и величественней известного Колизея в Риме.

личия. В центральную часть столицы, на городские улицы Туниса, врезаются древний акведук. Он прекрасно сохранился. Каменные арки, несущие на своих плечах ныне сухой желоб, идут над домами, пересекают улицу и обрываются резко, как водопад.

На африканском побережье Средиземного моря можно видеть древние остатки амфитеатра. Сцена, наполовину заросшая цветами и кустарниками, опоясана полукружием зрительного зала. Мраморные скамьи, врубленные в скалы, остатки древних колонн, подернутые зеленым лишайником, небрежно разбросанные капители...

Здесь, в двух десятках километров от столицы, на самом берегу залива, некогда существовал Кар-

фаген. Его называют сегодня «Картаж». Среди аккуратеньких вилл между зелеными садами, окруженными сплошной изгородью, раскинулась земля, перерываемая многими поколениями археологов.

«Карфаген должен быть разрушен» — кто не слышал эти слова!

И он был разрушен: завоеватели сровняли его с землей. Но неистребима жажда археологов к познанию прошлого. На протяжении многих лет археологи обнажали слой за слоем, снимая почву на месте древнего Карфагена. И вот перед глазами вырастают замысловатые лабиринты залов, улиц и бастионов.

Мы спускаемся вниз по непрочным ступеням. Мы ходим среди стен, сложенных из каменных глыб. Мы заглядываем в древние бассейны, в которых хранились когда-то вода и вино. Карфаген был уничтожен. Но он вновь предстает перед нашими глазами, обнаженный трудами тунисских ученых.

На протяжении многих десятилетий своего владычества в Тунисе колонизаторы вывозили из страны сокровища ее истории. Статуи, колонны, фрески, мозаики — их можно встретить не только в музеях Франции, но и в сокровищницах других государств. Однако исторических памятников так много, что, пожалуй, нигде еще мы не сталкивались с таким богатством мозаичной живописи, как в залах знаменитого в Тунисе музея Бардо. Казалось, вся история древнего Рима навсегда запечатлена в этих каменных коврах, в этом цветном кружеве, пришедшем к нам сквозь тысячелетия.

Тунис всегда был волевым местом для захватчиков. Войны на протяжении всей истории Туниса потрясали страну. Жизнь народа была постоянной борьбой за независимость. Пали древнеримские колонии. Развалилось рабовладельческое общество. Из каменных глыб дворцов римской знати возводятся мечети и крепости. Сотни колонн известной мечети «моске» в Кайруане были выточены из мрамора в начале нашего летосчисления.

Но и средние века не принесли спокойствия стране. В Кайруане мы видели кованые шлемы испанских завоевателей. Они прошли волной по Тунису. Испанские крепости до сих пор высются по тунисским берегам Средиземного моря. Видимо, трудновато приходилось испанцам: слишком уж толсты крепостные стены, построенные завоевателями. Ни время, ни события так и не разрушили их.

Затем появились французы. Они сделали Тунис своей колонией.

В одной из экономических сводок, относящихся к годам, предшествовавшим времени, когда Тунис сбросил со своих плеч иго колонизаторов, можно было найти следующие цифры: 1 400 тысяч гектаров земли обрабатывалось тунисцами. Около 300 тысяч принадлежало иностранцам. Вся земля тунисских земледельцев давала около 200 тысяч тонн зерна в год. Колонизаторы же получали со своих участков свыше миллиона тонн, так как в их руках была лучшая земля, которую можно было орошать.

Несколько лет тому назад Франция была вынуждена предоставить Тунису свободу. Тунис стал республикой. Многовековая история его борьбы за независи-

— Я рад приветствовать советскую делегацию защитников мира. — говорит президент республики Хабиб Бургиба руководителю делегации Б. Гафурову.

мость от иностранных захватчиков закончилась. Но наследие колонизаторов до сих пор дает себя знать и чувствовать. Еще не наладилась экономика Туниса. Лучшие земли еще находятся в руках иностранных «колонов». Отечественная промышленность еще не получила развития. Многие земли лишены орошения. В стране существует безработица.

Но после освобождения Туниса от колониального ига мы видим, как растет стремление народа идти по пути прогресса.

— Мы направляем усилия нашего народа на то, чтобы поднять сельское хозяйство и экономику, — рассказывает президент республики Хабиб Бургиба. Смуглое лицо его энергично и подвижно. В прошлом адвокат, прошедший школу политической борьбы, томившийся во французских концлагерях в пустыне, Бургиба полон энергии и стремлений. Он говорит взволнованно, энергично жестикулируя.

— Колониализм оставил нам разрушенную экономику. Во мно-

В юлу играют, вероятно, ребята всех стран мира.

гом приходилось строить все сначала. Мы заимствуем все лучшее, что можно заимствовать, из опыта вашей страны и других стран. Нас сближает с вами история. Некогда и вы были страной отсталой. Пример вашего развития и ваших успехов должен вдохновлять нас. Не пройдет и года, как мы произведем обмен посольствами.

Бургиба рассказывает о том, что в стране создаются как новая форма участия молодежи в преобразовании государства трудовые лагеря. Юношей призывают к тому, чтобы работать и одновременно приобретать профессию.

Мы посетили один из таких трудовых лагерей недалеко от столицы. На большом открытом участке земли возводится новый город одноэтажных стандартных домов, рассчитанных на несколько семей. Этот город строится руками молодежи. Юноши в возрасте 18—25 лет живут в лагере, обучаются профессии строителей под руководством опытных рабочих, строят дома по государственному плану, занимаются спортом и полезным отдыхом. Они не получают заработной платы, они получают лишь рабочую одежду, питание и немного карманных денег на кино и папиросы.

— Если опыт трудовых лагерей оправдывает себя, — говорит Бургиба, — мы расширим этот опыт. Очень важно научить человека работать. Колониализм превращает человека вынужденной безработицей, бездельем нищеты. Пришло время дать человеку истинную свободу творческого труда.

В последнее время в стране занялись орошением. Неоднократно нам приходилось слышать горячие слова благодарности советскому специалисту по вопросам ирригации профессору Ковда, который, работая в ЮНЕСКО, приезжал в Тунис вместе с учеными Германии, Америки и Франции.

— Успехи советской ирригации знаменательны! — рассказывает доктор Бен Слимен, председатель тунисского общества «За свободу

и мир». — Если б вы видели, с каким почтением относятся к мнению советских специалистов даже такие опытные ирригаторы, как американские члены комиссии ЮНЕСКО! Мы мечтаем о том, чтобы советские специалисты оказали Тунису действенную помощь в преобразовании сельского хозяйства страны.

Новой в экономике Туниса представляется попытка, пока еще экспериментальная, освоить технические культуры. Сейчас основной культурой являются оливы. Свыше 25 миллионов деревьев насчитывается в стране.

Вторая культура, получившая широкое распространение в Тунисе, — финиковые пальмы. Свыше трех миллионов плодоносящих деревьев растет в оазисах Туниса. Знаменитые тунисские финики экспортируются во все страны мира.

Наконец, третьим объектом для экспорта является растительность полупустыни — трава альфа. Из этой травы, очень жесткой, очень прочной, делают мешки, циновки, канаты, она идет на производство бумаги. Альфа растет там, где не могут расти кустарники и деревья. Она является дикой культурой. Около ста тысяч тонн этой удивительной травы добывается в Тунисе в наше время.

Любой город Туниса как бы разделен на две половины. Одна часть европейская. Вторая — Восток. В европейской части многое несет в себе черты недавнего прошлого. Яркие рекламы со знаковыми нам призывами: «Пейте кока-колу!», «Покупайте радиоприемники «Филипс»!». Магазины, гостиницы, где больше разговаривают на французском, чем на арабском языке. Газеты — на французском языке.

В этом нет ничего удивительного. Колониализм насаждал чуждый язык и чуждую культуру, всячески подрывая и уничтожая национальные традиции. Школ было мало, высших учебных заведений не было совсем.

И как приятно видеть сегодня почти в каждом крупном населенном пункте новые здания школ,

которые или построены, или еще строятся!

— Из 750 тысяч детей в стране около 300 тысяч уже могут учиться, — с гордостью говорил нам министр образования. — Со временем у нас будут учиться все, как это уже происходит в вашей стране. Да и программа составлена у нас единая.

Полной противоположностью европейской части города являются арабские кварталы. Узкие улицы с белыми стенами и ярко-синими ставнями на окнах. Белый и синий цвет — излюбленное сочетание тунисцев. Не только в городе, но и в деревнях вы сталкиваетесь с этим сочетанием. Стены белые, как пески пустыни, и голубые окна, как куски неба над головой. По-своему идет здесь жизнь. Здесь вы не встретите яркиецепочки автомашин, в основном французского производства. Здесь люди передвигаются верхом на ишаках, а то и на верблюдах. Длинные, бесконечно запутанные, как лабиринт, переходы торговых рядов — их называют здесь коротко — «сук». Здесь не только продают, но и изготавливают то, что продают.

Сук — это ряды ремесленников и рабочих, с удивительным мастерством создающих сокровища своей страны. Но время сбрасывает со счетов некогда процветавшие профессии. Почти не находит сбыта продукция знаменитых тунисских седельщиков. Кожаные, расшитые серебром и золотом седла почти вышли из употребления. А профессия осталась, умение, передаваемое из поколения в поколение, еще не растеряно.

Ковры Кайруана, керамика Набеля — это подлинные произведения народного искусства, в которые вложена вся яркость тунисских красок.

— Я с удовольствием закрыл бы свою мастерскую и ушел бы на завод, — озабоченно говорил нам владелец небольшой кузнечной мастерской, широкоплечий, почти черный от загара и от копоти. Он буквально чудеса выделял с раскаленными полосками железа. Из старых металлических

обрезков он виртуозно выковывал модные сейчас металлические столики и кресла. — У нас в стране, — продолжал он, рукавом стирая капельки пота со лба, — есть своя промышленность — фосфатов и железорудная. Но ведь этого же явно недостаточно для того, чтобы занять людей, жаждущих большого труда. Проклятые колонизаторы, это их вина, что нам трудно быстро подняться!

Тунис возрождается к общественной жизни. Совсем рядом, как говорится, рукой подать, идет вот уже который год война против алжирского народа. То, что происходит рядом, — все это доносится до сердца и сознания тунисцев. Все активнее и активнее поднимают они свой голос протеста против войны в Алжире.

Протестом встречает народ Туниса планы проведения испытаний атомной бомбы в Сахаре. Ведь это на головы простых людей Африки падет радиоактивный пепел, отравленный дождь. Передовые люди Туниса понимают всю глубину опасности.

Мы находились в стране в дни, когда Никита Сергеевич Хрущев был в Америке. Не помню ни одного разговора, ни одной беседы с представителями интеллигенции или рабочими, во время которой нас не расспрашивали бы о высокой миссии руководителя Советского государства.

— Мы всегда верили, что Советский Союз борется за мир. Поездка Хрущева, удивительные достижения вашей науки разве не подтверждение этому!

Резкие перемены происходят в сознании интеллигенции Туниса. Встречаясь несколько раз с известными тунисскими художниками Абедлазисом Горжи, Амаром Пархадом, Зубейром Турки и Нагибом Бель Ходжа, мы отметили большую актуальность их художественных произведений. Горжи, специализировавшись на создании крупных картин из керамических плиток, достиг исключительного совершенства в этой редкой области искусства. Керамические панно его полны жизни и являются логическим продолжением народных традиций Туниса. Реалистичны картины Пархада. Полны социального звучания полотна Турки. Лишь Нагиб Бель Ходжа отдает дань увлечению абстракционизмом.

С какой горячностью дискутировали художники на тему о задачах искусства!

— Что останется после тебя? — обращался к Бель Ходжа маленький, необычайно подвижный Горжи. — Ничего. Как пятна плесени на замшелой стене.

Бель Ходжа не сдавался. Но, видимо, какая-то большая внутренняя работа происходила в его сознании.

Провожая нас на аэродром, он протянул мне скрученный рулон, аккуратно завернутый в бумагу.

— Посмотрите в Москве. Это мои новые картины. Мне очень хотелось делом ответить на наши споры, — сказал он.

Я гляжу на картины, переданные мне художником. Это взволнованные плакаты, сделанные талантливым мастером. «Нет — войне!» — написано на одном из них. «Садака!» — написано на другом.

Вот почему это слово мне и захотелось поставить в название очерка.

Трудовые бригады молодежи — новое начинание Тунисской республики.

П. П. Соколов-Скаля. РАБОЧИЙ ОТРЯД УХОДИТ НА ФРОНТ. 1937.

п. п. Соколов-Скаля. ГИБЕЛЬ НАЧДИВА. Фрагмент триптиха «Щорс». 1938.
Центральный музей Советской Армии.

п. п. Соколов-Скаля. АВТОМАТЧИК ПАВЛОВ. 1943.
Центральный музей Советской Армии.

Юрий и Борис Юмашевы у себя дома.

БРАТЯ ЮМАШЕВЫ

Не правда ли, они очень схожи между собой, эти юноши?

Борису и Юрию Юмашевым по 27 лет, они родились в один и тот же день и час. Недавно имена братьев-близнецов стали широко известны в связи с новыми мировыми рекордами советской авиации.

Самолет «201 М», который с грузом в 55 220 килограммов поднялся на высоту 13 тысяч метров, вместе с командиром Б. М. Степановым пилотировал второй летчик Б. И. Юмашев.

На воздушном корабле «103 М», который с грузом в 27 тонн на дистанции в тысячу километров развил околозвуковую скорость, рядом с командиром А. С. Липко сидел второй пилот Ю. И. Юмашев.

Братья-близнецы — молодые летчики-испытатели. Всего пять лет

назад окончили они авиационное училище. Но знакомство братьев с авиацией началось много раньше, пожалуй, еще до первого класса начальной школы.

В доме на Садовой по соседству с семьей старого большевика Ивана Сергеевича Юмашева жил знаменитый летчик Валерий Павлович Чкалов. Страстный автомобилист, он дружил с детворой и частенько катал малышей за город.

Весь мир восхищался полетом Чкалова из Москвы в Америку через Северный полюс, а для юных пассажиров Валерия Павловича увлекательнейшим путешествием была поездка в Серебряный бор.

«Вырастем, будем такими, как дядя Валерий!» — мечтали малыши. И вот мечта стала явью.

Ф. КОРОТКЕВИЧ

СО СКОРОСТЬЮ Артиллерийского снаряда

В связи с новыми мировыми рекордами по скорости полета и грузоподъемности корреспондент «Огонька» беседовал с известным советским ученым, специалистом по аэродинамике профессором В. С. Пышновым.

— Развитие авиации в последнее время проходило под знаком использования реактивных двигателей и овладения сверхзвуковой скоростью полета, — сказал В. С. Пышнов. — О том, что скорость звука превзойдена, мы узнали не по газетам и журналам, а по мощным ударным волнам, которые прокатывались над обширной территорией и казались взрывами. Теперь к этим взрывам люди уже привыкли. Летчики разрезают атмосферу со сверхзвуковой скоростью, и звук доносится до земли после того, как самолет уже пролетел.

Хоть и замечательны достижения авиации, но ракеты далеко обогнали самолеты — в десять и более раз по скорости, во много раз по высоте и дальности. Однако на современных ракетах пока нет экипажей, и они не могут совершать посадку. Самолет и ракета — братья: у них много общего в конструкции, двигателях, аппаратуре. Будущая ракета с экипажем, способная совершить посадку, станет еще более похожа на самолет. А самолет в своем развитии становится все более и более похожим на ракету.

Космической ракете достаточно только разогнаться в нужном направлении, а затем она летит, не нуждаясь ни в крыльях, ни в двигателе. Самолету же нужны крылья для получения подъемной силы, для маневрирования. Чтобы преодолеть сопротивление воздуха, самолету необходим большой запас энергии.

Самой тихоходной космической ракетой является спутник Земли, который обладает скоростью около 7,9 километра в секунду, или 28 400 километров в час. Как из-

вестно, летчик Г. К. Мосолов на самолете «Е-66» достиг скорости 2 504 километров в час, или 700 метров в секунду. По сравнению с космической ракетой это, конечно, не так много, но все-таки это уже скорость артиллерийского снаряда.

На больших высотах очень холодно. Так, в 11 километрах над землей температура минус 56 градусов Цельсия. Однако воздух хотя и холодный, но при соприкосновении с обшивкой скоростного самолета он разогревается. Например, на «ТУ-104» температура обшивки уже только минус 30 градусов Цельсия, а в рекордном полете Г. К. Мосолова обшивка нагревалась настолько, что до нее нельзя было бы дотронуться рукой.

Этот нагрев — серьезное препятствие для дальнейшего повышения скорости самолетов. Для борьбы с ним ставят охлаждающие устройства. Кроме того, выгодно уходить на большие высоты с малой плотностью воздуха, где тепловой поток будет слабее.

Сверхзвуковые полеты на очень больших высотах являются замечательным достижением. Однако качество самолетов определяется также и способностью их перевозить большие грузы на дальние расстояния. В этой связи заслуживают самой высокой оценки полеты В. П. Смирнова на высоту 20 300 метров с грузом в одну тонну, летчика Ю. Т. Алашеева с грузом 25 тонн на высоту около 13 километров, экипажа Б. М. Степанова на высоту тоже 13 километров с грузом более 55 тонн и скоростной полет А. С. Липко с грузом 27 тонн на дистанции в тысячу километров при средней скорости 1 028 километров в час.

Все эти рекорды убедительно подтверждают, что советская наука и советская авиационная техника являются наиболее передовыми в мире.

ВИНОГРАД «ВСТРЕЧА» ЯБЛОКИ «ДРУЖБА»

«Жемчужиной Южного Приморья» зовут дальневосточники благодатную долину реки Сучан. Надежно защищают ее от холодных ветров Сихотэ-Алиньский хребет и отроги Да Дянь-шаня, теплым влажным дыханием овеивает Тихий океан. Садами, виноградниками и ягодными плантациями славятся пади меж сопок, где по тайге когда-то вились тигровые тропы.

Среди мастеров колхозного изобилия не последнее место занимает Юрий Игнатьевич Демченко из артели имени Лазо, Партизанского района.

Еще 12 лет назад здесь слышать не хотели о садоводстве. Вот тогда-то и засадил Демченко полгектара смородиной, крыжовником, малиной, а гектар с небольшим занял молодыми яблоньками и грушевыми деревьями.

Сейчас уже на 36 гектарах плодоносят сады и виноградники. И еще 16 гектаров подготовлены к весенним посадкам. Горят лесные костры, гудят моторы. Механизаторы корчуют тайгу, готовят новые площади для виноградных лоз и плодовых деревьев.

«Ваша дальневосточная земля обширная, плодородная, все у вас есть — нужно только разумно подойти к делу и приложить руки», — говорил в своей речи на митинге трудящихся Владивостока товарищ Н. С. Хрущев.

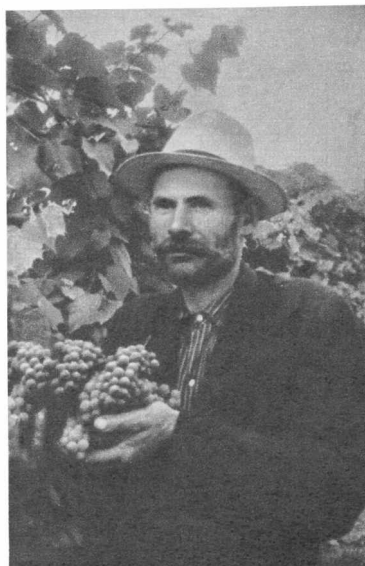
— Приложить руки... Правильно. — Высок, сухощавый Демченко, с умным прищуром глаз и широкими, оттеняющими улыбку украинскими усами, ведет нас по саду.

Он останавливается у зеленой шпалеры, набирает в ладони прозрачные, напоянные спелыми соками гроздьи и, подняв их к солнцу, любуется виноградом.

— Новый сорт, «Встреча», — говорит он. — Как раз в дни пребывания Никиты Сергеевича в США пробовали мы первый урожай. И в честь памятной встречи между главой Советского правительства с президентом США решили дать новому сорту такое название.

Потом садовод бережно касается молодого деревца и объясняет, что в яблоне счастливо сочетались лучшие качества двух дальневосточных сортов, «репанна» и «тонко-

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Ю. И. Демченко на винограднике.

ножка». Устойчивый, урожайный, вкусный плод! Так и тает во рту.

Шесть лет назад из семечка проклюнулся в саду первый росток, а сейчас уже можно спрятаться в тени молодого деревца. Этот сорт яблони назван «Дружба».

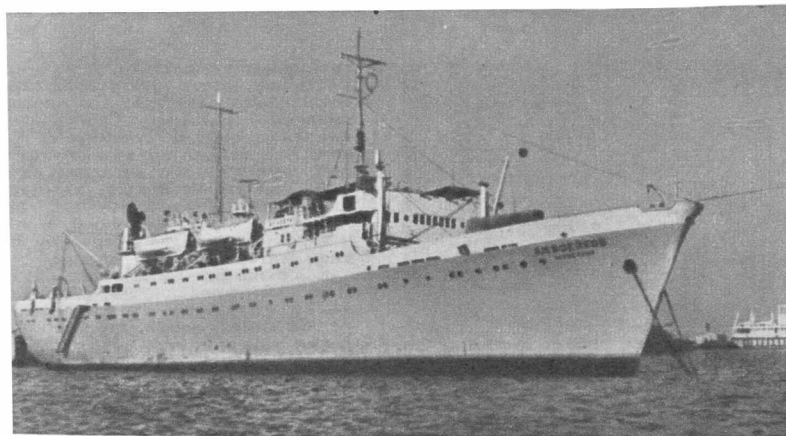
В колхозном саду — различные сорта айвы, и тутовое дерево, и персики, и украинская вишня!.. Рядом, на садовых участках, изобилие уроженцев тайги. Тянется к солнцу стройными стеблями актинидия — реликтовая лиана, дающая прекрасные плоды, богатые сахаром и витаминами. Юрий Игнатьевич собрал семена актинидии, засадил ими большую делянку.

Несколько тысяч саженцев яблонь и винограда отправляет Демченко нынешней осенью в соседние колхозы.

— Наша дальневосточная земля станет краем садов и виноградников, — говорит он уверенно.

Б. СЛУЦКИЙ

КОРАБЛЬ ПОГОДЫ

Во Владивосток из Одессы прибыло первым рейсом новое экспедиционное судно Гидрометеослужбы «А. И. Воейков».

Судно это, названное в честь выдающегося русского метеоролога и климатолога А. И. Воейкова, построено на Николаевском заводе имени Носенко. Оно оборудовано новейшей совершенной аппаратурой, позволяющей вести комплексное исследование океана вдали от берегов.

В 38 лабораториях на борту «Воейкова» могут одновременно работать несколько десятков ученых.

Первый рейс, в котором участвовали сотрудники Океанографического института, Главной геофизической обсерватории, Центральной аэрологической обсерватории и других научных учреждений, продолжался около двух месяцев.

Из Владивостока «Воейков» отправится в экспедицию по Тихому океану.

С. ОСОКИН,

действительный член Географического общества СССР

Снято в 1959 году. Петр Павлович и Любовь Тимофеевна Лебеденко с сыновьями Борисом, Германом и Владимиром.

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ МИНУВШИЕ ДНИ...

Много радости приносят порой старые, пожелтевшие странички, полустертые временем строки, среди которых увидишь вдруг свое имя. Так было недавно со мной. Подбирая материалы по истории Первой Конной армии, я перелистывал комплект газеты «Красный кавалерист». И вот в номере от 9 августа 1920 года читаю заметку: «Будущий командир»:

«Наш бывший адъютант 6 кд 6 конартидива Петр Лебеденко командирован на высшие артиллерийские курсы. Он зашел проститься с нами, бойцами».

Когда появилась эта заметка, меня уже не было в части; впервые я прочитал ее лишь теперь, спустя почти четыре десятилетия. И сразу же разыскал старую фотографию тех времен, — снимался, помнится, с товарищами перед отъездом на учебу. Где-то вы теперь, друзья-однополчане, лихие разведчики Паньчинов, Шилко, братья Пахилько?

Снова увидел я себя и солдатом старой царской армии, и депутатом «Совдепа» в Николаевске на Волге, и курсантом Первых московских советских командных курсов. Не раз тогда, во время учебы, удавалось мне слышать выступления Владимира Ильича Ленина, присутствовать на лекциях Я. М. Свердлова о Конституции РСФСР.

За сорок лет, прошедших после того памятного снимка, довелось мне и учиться, и воевать, и самому учить солдат и офицеров: окон-

Снято в 1920 году. Вонны Первой Конной (слева направо) братья Пахилько, Лебеденко, Шилко, Паньчинов.

чил Военную академию, командовал танковым полком и бригадой, побывал на многих фронтах Отечественной войны. И теперь, на склоне лет, оглядываясь на пройденный путь, невольно горжусь тем, что таким же путем идет в жизни наша молодежь.

Старую фотографию времен «гражданки» я сравниваю порой с современным семейным снимком. И при всем различии во внешности сыновья мои — офицеры Советской Армии — кажутся очень схожими с моими сверстниками — бойцами Первой Конной.

П. ЛЕБЕДЕНКО,
полковник в отставке

Дом-«ракета»

В новой квартире Николая Перетрухина. Фото С. Розенфельда.

На одном из широких проспектов Таллина недавно появился новый четырехэтажный дом.

Здесь, неподалеку от стадиона имени Комсомола, был пустырь, посреди которого рос высокий кудрявый клен. Ковш экскаватора бережно перенес зеленого красавца на новое место, и строительство жилого дома началось.

Один кран поднимал крупные

силикатные блоки, другой кран в это же время разгружал стройдетали, привезенные на автомобильном прицепе. Своеобразный конвейер связал стройку с заводом. Как только грузовик с прицепом, заполненным деталями, въезжал на строительную площадку, шофер тотчас отцеплял его, брал на бунксир опорожненный прицеп и ехал на завод за очередной партией материалов.

Все было рассчитано по минутам. Пока монтировали наружные стены, в квартирах ставили перегородки. Шлак, доски, столлярные изделия крановщики заблаговременно укладывали на каждом этаже в определенном месте.

Жители Таллина недаром окрестили эту стройку «ракетой». За 19 дней был сооружен и оборудован четырехэтажный дом в 32 квартиры.

Когда работы по внутренней отделке близились к концу, сюда пришли декораторы и мебельщики. Они продемонстрировали новоселам, как можно удобно, просто и вместе с тем изящно обставить квартиры.

По доброй традиции среди новоселов оказались и те, кто строил этот дом. В одну из квартир дома-«ракеты» въехала семья бригадира комплексной бригады Роберта Манеева, в другую — слесаря-электрика Николая Перетрухина.

М. АНГАРСКАЯ

НЕФТЕПРОВОД ПЯТИ СТРАН

Схема нефтепровода пяти стран.

Доведись строителям сооружать эту подземную магистраль 20 или 30 лет тому назад, они, видимо, вбили бы первый колышек где-то на Апшеронском полуострове. Теперь же авторы проекта Трансевропейского нефтепровода избрали отправной точкой район города Куйбышева. Дивиться тут нечему.

Нефти в Советском Союзе много, и мы поставляем ее на внешний рынок, щедро делимся с другими странами социалистического лагеря. Для дальних перевозок ценнейшего сырья служат железнодорожные цистерны, морские танкеры.

В ближайшем будущем нефть потечет в дальние края по стальным трубам. Совет экономической взаимопомощи принял решение о совместном строительстве нефтепровода из Советского Союза в Польшу, ГДР, Чехословакию и Венгрию. Его протяженность — четыре с лишним тысячи километров.

Это будет экономичная транспортная магистраль: ведь перекачка нефти по трубопроводу обходится в несколько раз дешевле, чем перевозки по железной дороге.

Генеральная схема нефтепровода разработана в московском институте «Гипротрубопровод». Она послужит основой при проектировании участков, проходящих по территории всех пяти стран. Каждое государство будет строить нефтепровод на своей территории собствен-

ными силами. Советский Союз окажет дружественным социалистическим странам техническую помощь, выделит оборудование.

Недавно у чехословацко-советской границы, в районе города Краковски-Хльмец, обосновались строители одного из участков нефтяной магистрали. Они протянут стальную «нитку» до Братиславы.

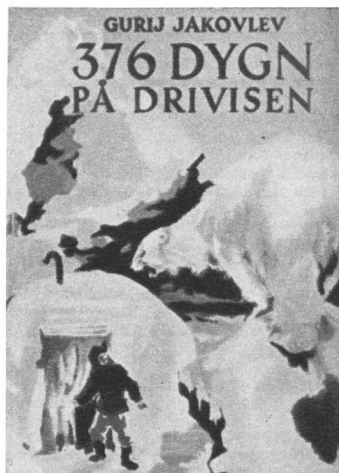
Начавшись в Поволжье, нефтепровод пересечет центральные области РСФСР, север Украины и войдет в пределы Белоруссии. Отсюда магистраль пойдет в двух направлениях: северная ветвь предназначена для подачи нефти в Польшу и Германскую Демократическую Республику, южная — в Венгрию и Чехословакию.

Наибольшие трудности встретятся при сооружении нефтепровода в пределах Польши. Пролетая через всю страну с востока на запад, трасса пересечет реки, лесные массивы, болота.

Новое инженерное сооружение — собственность пяти держав — будет отличаться техническим совершенством. Полностью автоматизируются перекачка нефти и подача ее на промежуточные наливные эстакады. Насосные станции и центральные пульты намечено оснастить телемеханическими устройствами и приборами дистанционного управления.

Ан. ВЕТРОВ,
Б. ЛЬВОВ

Успех у шведского читателя

Обложка книги Г. Н. Яковлева.

Стокгольмское издательство «Фольет и бильд» перевело на шведский язык книгу Гурия Николаевича Яковлева «376 дней на

льдине», вышедшую до этого в Москве и Ленинграде. Автор книги — известный советский ледоисследователь, участник дрейфа научной станции «Северный полюс-2» в 1950—1951 годах — увлекательно рассказывает о жизни и работе советских полярников.

Книга Г. Н. Яковлева нашла множество читателей в Швеции. Газеты посвятили ей пространственные рецензии.

По заявлению рецензента столичной газеты «Свенска Дагбладет», записки Г. Яковлева — первая книга русского полярного исследователя, переведенная на шведский язык: «Книга дает картину непрерывной и строго продуманной научно-исследовательской работы».

Газета рекомендует «эту необычайно увлекательную книгу не только молодежи, ищущей приключений, но также каждому, кто интересуется жизнью и условиями океана, лежащего недалеко от Швеции, и тем, что сделано русскими, чтобы утвердиться первыми в области исследования Арктики».

И. МОКРЕЦОВ

Целебная грязь в брикетах

Десятки тысяч советских людей приезжают лечиться в Одессу на лиманы. Наибольшей популярностью пользуется курорт на Куяльницком лимане, в 9 километрах от города.

Использование этого лимана для лечебных целей началось давно: в 1834 году здесь были построены теплые ванны помещения. Об уровне культуры курорта в конце прошлого столетия красноречиво свидетельствовал «Сборник санитарного бюро Одесской городской управы»: «Типы построек — будки и сараи. Под крышей на чердаках двух домов ютятся самая крайняя беднота... Больные лежат вползалку на грязных нарах».

Куяльницкий курорт неузнаваемо преобразился. Реконструированы грязелечебницы, санатории, построены новые и расширены старые здания гостиниц. Сооружена дамба в три с половиной километра для защиты от наводнений, асфальтирована дорога, создана зеленая зона.

Началось изготовление брикетов из целебной грязи.

Л. МАЛИНОВ

Сказка-игра

С. МАРШАК

Покатилось, покатилось
Олино колечко,
Покатилось, покатилось
С нашего крылечка.

— Кто с крылечка
Сойдет!
Кто колечко
Найдет!

— Я! — сказала кошка.—
Погоди немножко:
Вот я с печки
Прыг,
На крылечко
Шмыг,
Вниз по лесенке
Клубком,
По ступенькам
Кувырком.
А пока мне спать охота.
Валит с ног меня дремота.

— Кто с крылечка
Сойдет!
Кто колечко
Найдет!

— Го-го-го! — гогочет гусь.—
Я за это не берусь.
Мне бы в жаркую погоду
Поскорей забраться в воду!
Я поплаваю в пруду,
А потом и спать пойду.

Покатилось, покатилось
Олино колечко,
Покатилось, покатилось
С нашего крылечка.

— Кто с крылечка
Сойдет!
Кто колечко
Найдет!

— Бе-е! — заблеяла овечка.—
Я нашла бы вам колечко,
Отыскала бы давно,
Да не знаю, где оно.

— Кто с крылечка
Сойдет!
Кто колечко
Найдет!

— Я, — сказала курица.—
Стобит мне прищуриться,
Я вам зернышко найду
На дворе или в саду.
И кольцо найти я рада,
Да цыплят кормить мне надо,
А цыплята — вот беда! —
Разбежались кто куда.

— Кто с крылечка
Сойдет!
Кто колечко
Найдет!

— Я найду! — сказал индюк.—
Только стал я близорук,
А для нас, для индюков,
Не придумано очков.
Пусть покажут мне местечко,
Где запряталось колечко,
Постараюсь я найти
И хозяйке принести.

Покатилось, покатилось
Олино колечко,
Покатилось, покатилось
С нашего крылечка.

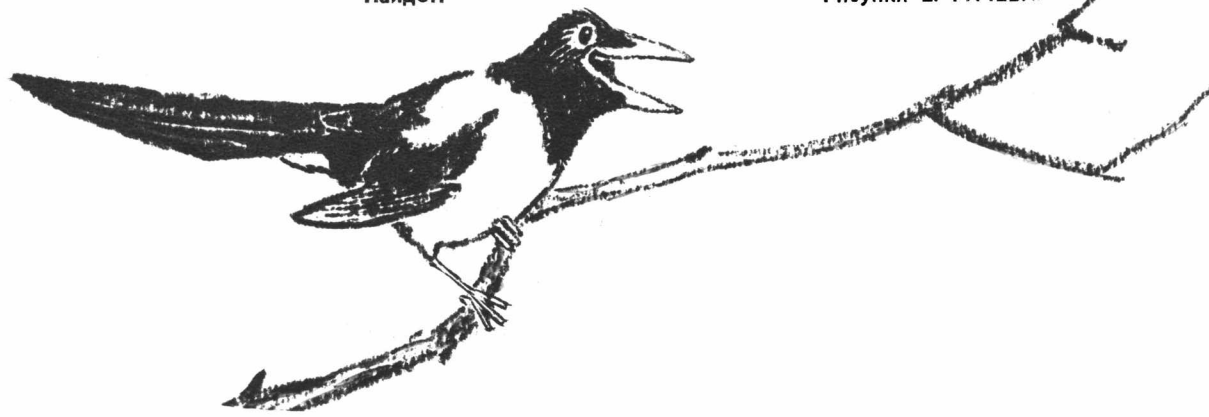
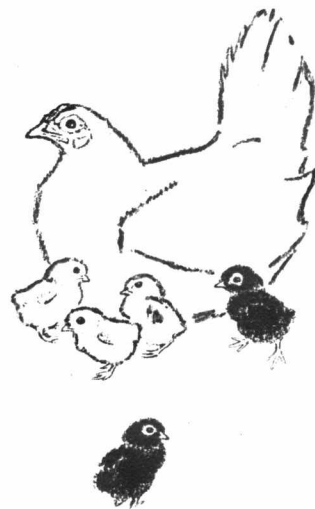
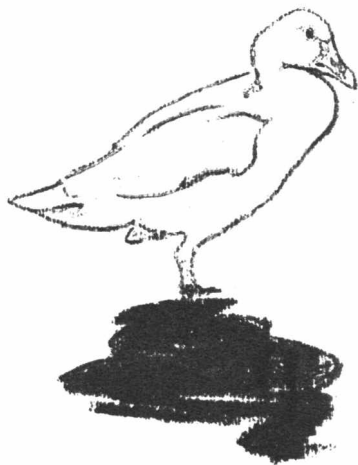
— Кто с крылечка
Сойдет!
Кто колечко
Найдет!

— Я, сорока-
Белобочка,
Отыщу в мгновенье ока.
Нахожу я ложки,
Брошки
И сережки.
Только всё, что отыщу,
Я домой к себе тащу!

— Нет, сорока-
Белобочка,
От тебя не будет прока.
Наша Оленька мала,
Да сама искать пошла.

Воротилась, воротилась
Оля на крылечко,
А на пальчике светилось
У нее колечко!

Рисунки Е. РАЧЕВА.

Подарок украинских художников

Более трех лет провели в Заполярье молодые украинские художники Ада Рыбачук и Владимир Мельниченко. Их видели жители острова Колгуева, охотники и оленеводы Карского побережья. Два года прожили они на базе оседлости оленеводческого колхоза «Красный Октябрь», в поселке Кара. Около 500 работ сде-

нецком краеведческом музее, где экспонируется выставка. Посетители очень тепло отзываются о работах молодых киевских художников.

«Впервые суровое своеобразие и красоту нашего края мы увидели в художественном обобщении,— пишут в книге отзывов учителя.— Картины привлекают искренностью и любовью к Заполярию. Выставка — это романтическая поэма о нашем крае».

А. КОКШАРОВ

Нарьян-Мар.

Музыкальные среды

Афиш нет. Но любители музыки знают, что каждую среду в квартире архитектора Ю. Б. Перепелкина дверь открыта для всех знакомых и незнакомых. Хозяин всегда сам встречает гостя и без всяких расспросов, радушно, словно близкого друга, проводит в комнату. Ровно в 8.30 вечера начинается концерт граммофонной записи. Порой он бывает посвящен творчеству отдельного композитора или отдельного исполнителя, оркестра или театра. Большую коллекцию граммофонных пластинок собрал Юрий Борисович — более 12 тысяч.

В отдельных папках пластинки с записью выступлений В. И. Ленина, М. И. Калинина, Л. Н. Толстого.

25 лет собирает неутомимый коллекционер все это огромное культурное богатство, но собирает не для себя и своей семьи. Сколько раз принадлежащие Перепелкину редчайшие записи были использованы на киностудиях, в радиопередачах! Сколько раз их неутомимого собирателя можно было увидеть с маленьким плоским чемоданчиком в школах, институтах, всюду, где есть любители музыки!

А в среду, в 8 часов 30 минут вечера, как всегда, приветливый хозяин распахнет перед вами дверь и скажет: «Добро пожаловать! Сейчас наш концерт начнется».

Пенсионер
И. КОРШУНОВ

Ленинград.

Ю. Б. Перепелкин готовится к очередной встрече со своими гостями.

Фото И. Бабкина.

М. Ф. Романов — профессор Окаемов. Машеньку играет Г. Будылина.
Фото И. Ефимова.

Новая роль Романова

Много лет не сходит с театральных афиш лирическая пьеса Афиногенова «Машенька». Немало актерских удач знает ее сценическая история. Недавно «Машеньку» поставил Киевский русский драматический театр имени Леси Украинки. Режиссер спектакля — народный артист СССР М. Ф. Романов. Он же выступил с большим успехом в роли профессора Окамова.

Самый молодой Гамлет

Спектакль «Гамлет» на сцене Московского театра имени Маяковского идет уже не первый год. В этом сезоне в «Гамлете» дебютировал Эдуард Марцевич. Это, вероятно, один из самых молодых Гамлетов, какие были на сценах мира. Марцевичу 21 год. Гамлет — его первая роль. Только в этом году юноша окончил Театральное училище имени Щепкина. Юного Гамлета горячо принимает зритель.

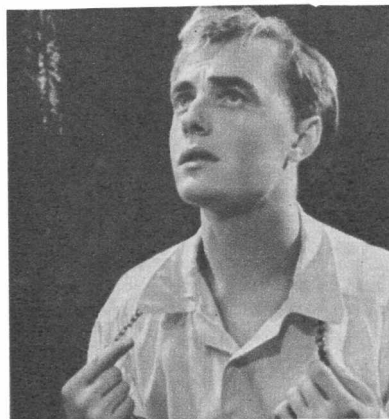

Фото В. Бородина.

«Пастух». Художница А. Рыбачук.

лали художники за это время. Их картины рассказывают о суровой и величественной природе Крайнего Севера, о самоотверженном труде советских людей, о больших переменах, которые произошли в холодной тундре Заполярья. 118 работ художники Рыбачук и Мельниченко подарили трудящимся Ненецкого национального округа.

На открытии выставки этих картин председатель Ненецкого окрисполкома П. М. Хатанзейский сердечно поблагодарил украинских художников за подарок.

— В будущем, — сказал он, — на базе этой коллекции в Нарьян-Маре будет создан художественный музей или картинная галерея. А благородное дело художников послужит дальнейшему укреплению дружбы между украинским и ненецким народами.

...Многолюдно в эти дни в Не-

Инженер - композитор

Месяца три тому назад в Днепропетровске состоялся творческий отчет композиторов области. С большим интересом слушали на вечере сюиту композитора В. И. Родионова, его песни, романсы на слова Пушкина и Лермонтова.

Творчество Родионова хорошо известно днепропетровским любителям музыки. Ведь это он, композитор Виктор Родионов, написал музыку к спектаклю Театра украинской драмы имени Т. Г. Шевченко «Девушка из Барселоны». Его музыку можно услышать во многих постановках областного театра кукол.

Родионов — инженер, начальник отдела инженерных изысканий проектного института «Днепрогипрошахт». Много лет Виктор Иванович все свое свободное время отдает музыке, занимается композицией.

Сейчас В. Родионов готовится к декаде украинской литературы и искусства в Москве. Им создан ряд симфонических произведений: «Сюита для симфонического оркестра», «Украинская увертюра», «Мелодия для скрипки с оркестром» и другие.

А. АХМАТОВ

Днепропетровск.

На Международном кинофестивале в Москве с успехом демонстрировался советско-китайский фильм «Тропой джунглей». Фильм этот создан Московской киностудией научно-популярных фильмов совместно с Пекинской киностудией имени 1 августа (автор сценария и режиссер-постановщик — А. М. Згуриди). Мы печатаем записки из дневника главного оператора фильма Н. Юрушкиной.

Царь джунглей.

В ДЖУНГЛЯХ

Макака с близнецами.

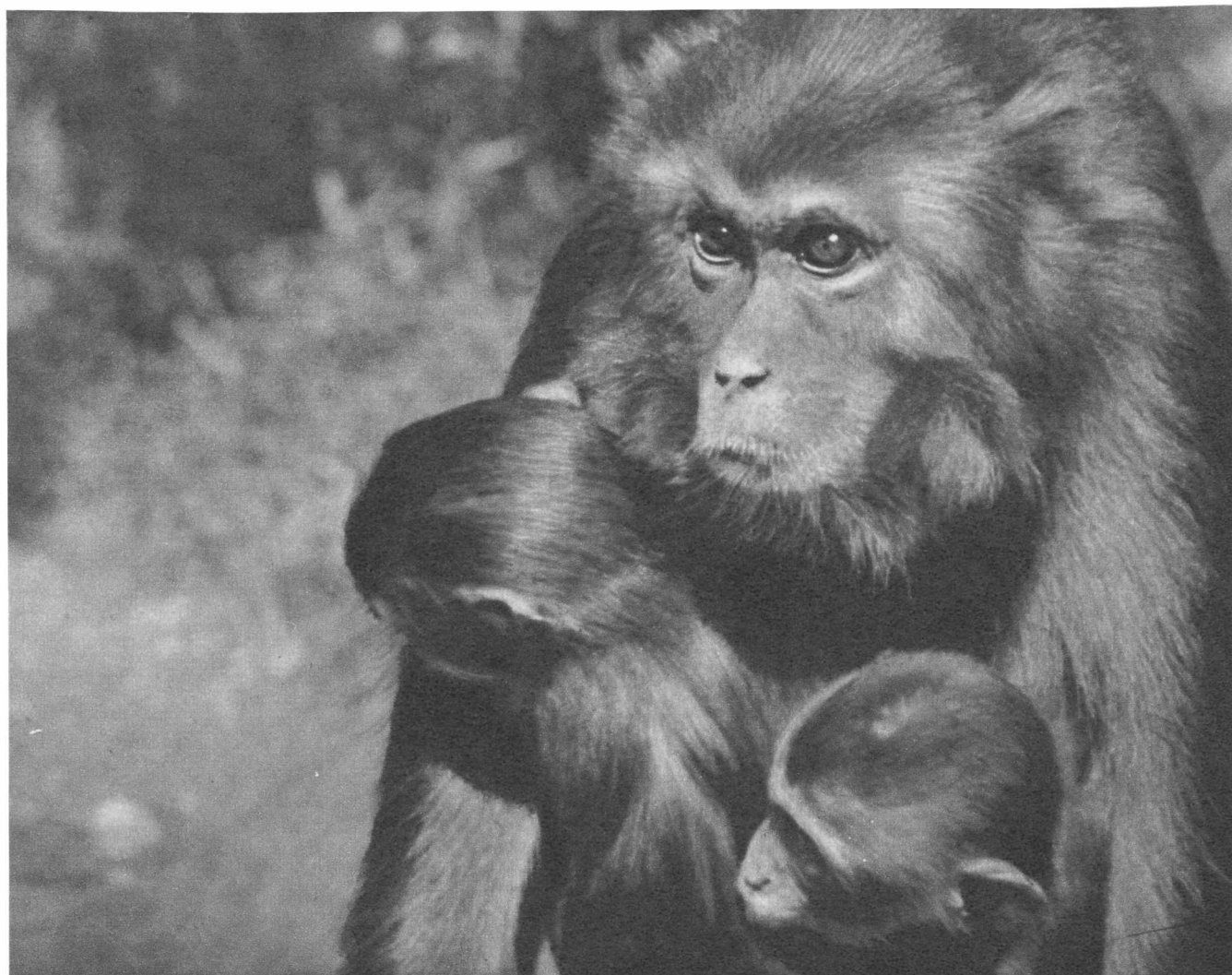
ЮЖНОГО КИТАЯ

Н. ЮРУШКИНА

Около четырех тысяч километров нужно проехать от Пекина к югу Китая, чтобы оказаться в краю, где вечное лето, где никогда не смолкают трескучие цикады и где круглый год разносится по лесу веселый гомон птиц. Имя этому чудесному краю — джунгли Юньнани.

Джунгли... Близкие, ощутимые, охватывающие со всех сторон горную дорогу, по которой мы едем. Кажется, останови машину — и ты сразу сможешь окунуться в манящую прохладу вечной зелени. Но это только кажется. Машину остановить можно каждую минуту, выйти из нее также легко, а вот войти в лес не так-то просто.

Ласковый, цветущий кустарник вдруг оказывается жгуче-колючим, а высокие стволы деревьев,

обвитые гибкими лианами, настолько запутаны ими, что без острого ножа нельзя сделать ни шагу.

Да, джунгли — это густой, непроходимый лес, огромные деревья, сплошь увитые цепкими лианами, непроходимые кустарники, предательская трава. Вечная тень создает здесь благоприятные условия для жизни паразитических стойких растений.

Но зато какие яркие краски на местах, залитых солнечными лучами! Какие красивые цветы, какая буйная бархатная зелень! Смотришь на огромное дерево и удивляешься, как это на его толстом стволе могут расти цветы! Но подойдешь ближе и сразу обнаруживаешь свою ошибку: цветы растут не на дереве, а это ствол обвит цветущими лианами, обвит так густо, что издали создается обманчивое впечатление яркого ковра из цветов. Лианы — не только сухие, похожие на канаты стволы, но и красивые зеленые гирлянды с разнообразнейшими цветами — то лиловыми, то нежно-розовыми или пунцово-красными, то неожиданно голубыми.

Вот жилища тропических муравьев — термитов. Они то похожи на огромные наросты на деревьях, то выглядят, как небольшие курганы.

По внешнему виду и образу жизни термиты похожи на обычных муравьев, которых мы все знаем. Но термиты белого цвета, за что их и прозвали белыми муравьями, хотя они относятся к другому отряду насекомых. Жилища их представляют собою нечто вроде муравейников, в которых они живут большими обществами, иногда по несколько миллионов. Материалом для постройки термитам служит почва или древесина. Ради этого они иногда выгрызают внутри дерева, столбы, дома и даже мебель. Можно представить, какую неприязнь они вызывают у местного населения.

Там, где живут термиты, обитают и их враги — ящеры, или гамолины. Чтобы увидеть их, надо дожидаться прохладных сумерек. Только тогда ящер начинает медленно бродить по лесу в поисках пищи. Вот ящер приближается к сооружениям термитов, разрывает когтями передние лапки муравейника, просовывает свой длинный липкий язык в середину маленького царства и одним движением отправляет в рот сотни «мудрых» строителей.

Это происходит внизу, на земле. Стоит же поднять голову и взглянуть на верхушки деревьев, как увидишь мелькающих среди веток ловких зверьков с длинным, гибким туловищем. Это виверры. Сначала они гоняются друг за другом, весело играя на головокружительной высоте, а потом отправляются на поиски сочных плодов, насекомых и других лакомств.

Однажды, остановившись в джунглях на отдых, мы получили в подарок от хозяев маленькую виверру. Она быстро привыкла к людям и подружилась с нами. Ласковая, кроткая, она так и тянулась к нам. И мы ее искренне полюбили. Нам казалось, что она тоскует по свободе, по лесу. Уж очень она была все время тихой и молчаливой. Много спала или спокойно сидела на руках, как будто всю жизнь прожила среди людей. Но каково было наше

огорчение, когда однажды утром мы обнаружили отсутствие любимцы.

Оказывается, она только днем находилась в полусонном состоянии, а ночью, когда мы, утомленные тяжелой дорогой, крепко спали, она, как и все виверры, просыпалась. Воспользовавшись открытой дверью, она ускользнула на волю. Правда, побег ее произошел, видимо, под самое утро, поэтому она не смогла уйти далеко. Мы нашли беглянку среди камней во дворе, и виверра, забравшись на колени, сразу же задремала...

Вскоре мы обзавелись еще одним жильцом. Нам принесли совсем маленькую мангусту. По характеру, по темпераменту это был суший дьяволенок. Она то и дело без всякой причины визгливо орала, быстро бегала по комнате, с жадностью кидалась на все, что ей бросали, — на хлеб, на мясо или просто на комочки бумаги, хотя перед этим была хорошо накормлена. Мангуста раздражала и нашу виверру. Кроткая и послушная, виверра стала беспокойной, капризной. Раньше, до появления мангусты, мы даже не знали ее голоса. Теперь же виверра вторила мангусте каждую минуту своим укающим сопрано. Поэтому по приезде в Куньминь мы с величайшим удовольствием подарили маленькое сокровище местному зоопарку.

Через год, вернувшись в провинцию Юньнань, мы вновь посетили Куньминский зоопарк и увидели в компании других мангуст нашу знакомую. Она выросла и сохранила свой воинственный нрав. Мангуста держала в страхе своих соседей по клетке и яростно бросалась на них по любому поводу.

Как же преобразается этот зверек, как только почувствует змею! Шерсть у него поднимается дыбом, хвост превращается в пушистую щетку и встает вертикально, глаза наливаются кровью, нос громко сопит. Но и кобра не остается спокойной. Она сразу принимает характерную позу нападения, как бы садится на свернутый хвост.

Оба противника зорко следят друг за другом, каждый старается уловить удобный момент для стремительного нападения. Голова кобры угрожающе раскачивается, мангуста, как опытный боксер, ловко избегает ударов. Но в какой-то момент место боя превращается в мелькание двух тел. Мангуста крепко держит зубами голову змеи, и как она ни старается вырваться, убивает ее. Успокаивается воинственный зверек только тогда, когда змея съедена.

Глядя на это зрелище, не пожалеешь о том, что маленькая мангуста своим беспокойным нравом не давала тебе покоя ни днем, ни ночью...

Продолжим прогулку по вечерним джунглям. После крепкого дневного сна пробудились и отправились за пищей лемуры. Медленно движутся эти ночные обезьяны, вернее, полуобезьяны, плавно перемещаясь с ветки на ветку и вращая маленькой смешной головой с огромными совиными глазами. Движения их так тихи, так рассчитаны, что самое чуткое ухо не улавливает присутствия зверьков.

Проснувшись в сумерки, лемуры принимают тщательно чи-

стить и прилизывать свою красивую «шубку». Потом вдруг задают душераздирающий концерт. Трудно описать, что выражают эти неприятные крики. Лемуры кричат так громко, что у новичка мурашки пробегают по коже. После концерта лемуры отправляются на поиски пищи — вкусных, сочных плодов, насекомых, птичьих яиц, а иногда и самих птиц.

Приходит утро. Под лучами жаркого солнца быстро тает густой туман, сквозь который все яснее и яснее просвечивается чудесное видение: причудливые силуэты горных склонов, сверкающие серебром реки и зеленые заросли, обрамляющие их берега.

Откуда-то прилетел зимородок — маленькая, отливающая синевой птичка с большим, толстым клю-

ществ опасны, какие не опасны, почти невозможно, так как редко кто знает это.

Джунгли коварны. Так и хочется, например, пройти по цветущей полянке. Но достаточно сделать несколько шагов, как на теле окажутся кровососы — пиявки. Они живут не только в воде, но подстерегают тебя и на кустах и в траве. Даже одежда не спасает от них. О пиявке узнаешь только тогда, когда она, напившись крови, уползает, а из ранки струится кровь, остановить которую очень трудно.

Лучше уйти на берег реки и пробить по каменистому грунту. Там чувствуешь себя спокойнее. Села на воду стайка мандариновых уток; сколько раз мы видели их на китайских вышивках и рисунках! Они так увлеклись ку-

Птица-носорог...

вом. С лианы она спрыгнула на камень, потом вдруг нырнула в воду, на мгновение исчезла и так же неожиданно появилась с рыбой в клюве.

Но что это? Кажется, будто зашевелился и ожил громадный цветок. Да это бабочка! Исполинская бабочка! Она бесшумно задвигала крыльями и улетела. Гусеницы тоже поражают размером и окраской. Иногда проползает такая «красавица» по руке и надолго оставит о себе жгучую память. Именно жгучую, потому что несколько дней после этого не можешь избавиться от болезненного ощущения. Разобраться, какие из этих ползающих су-

ществом, что совсем не заметили притаившегося у берега, в тени ветвей, крокодила. А хищник приближался с величайшей осторожностью. Порой он замирал и долго не двигался. Только по глазам можно было понять, что это — живое существо. Порой крокодил спускался под воду и ждал там, следя за движениями жертвы с помощью своего необыкновенного слуха, который дает ему возможность узнавать, что делается даже на берегу.

Снова из воды появился нос, затем стали выплывать надглазные бугры и наконец — глаза. Снова медленное бесшумное продвижение. До чего же

...А это просто носорог.

был стремителен и точен бросок хищника, который только на мгновение показался из воды и тут же исчез вместе с добычей!

Многое могли бы поведать о тайнах джунглей неутомимые обезьяны. Даже часы жаркого зноя не могут заставить их отказаться от бесконечной беготни, игр и проказ. Все их интересует, все они должны потрогать, попробовать и, наконец, поломать и разбросать. Часто молодые обезьяны целой компанией отправляются на грабеж птичьих гнезд. Еще издали слышно приближение шумной ватаги. Птицы, увидев обезьян, покидают свои гнезда и с жалобными криками летают вокруг, глядя на ужасный разбой. Для обезьян мало ведь перетаскать все яйца бедной птички, надо еще вытащить гнездо и бросить его на землю.

Но вот раздался дикий крик. Это обезьяны увидели змею. Со всех сторон раздается громкое «кр-р-р-р». Затем следует стремительный панический бег, и обезьяны исчезают в зарослях леса.

Но как бы ни была опасна жизнь в джунглях, обезьяны не унимаются ни на минуту.

Внимание обезьян привлекло какое-то движение в тенистых зарослях кустарника. На поляну вышел тигр — самый сильный, самый свирепый хищник джунглей. До чего же красив, до чего грациозен он! Как изящны, как легки движения его мускулистого, гибкого тела! Тигр — весь внима-

ние. Впереди него шел черный олень. Внезапно олень остановился и стал напряженно прислушиваться к шорохам леса. Каждую минуту он был готов к бегу, единственному шансу на спасение. Но на этот раз быстрые ноги не помогли оленю уйти от опасности. Слишком поздно он почуял своего смертельного врага. Сильный внезапный прыжок, страшный рев — и олень стал жертвой хищника.

Но разве только жестокой борьбой за существование наполнен многообразный мир джунглей?

Посмотришь наверх — и оторваться не можешь от трогательной картины. Нежная мать-обезьяна заботливо прикладывает к груди своего детеныша — сморщенного уродца, скорее похожего на старичка, чем на малыша. Но как она любит его, как берет обеими руками, точно хочет вдоволь налюбоваться им, как ласково обли-

На плотках за обезьянами.

зывает его, потом прикладывает к груди и раскачивает, словно убаюкивает!..

А среди цветущих лиан сидит совсем другое существо — тонкотелая обезьяна с голубым лицом. Какое сочетание обаяния и уродства! Какие выразительные, чудесные глаза, какая мягкая светло-серая шерсть и какой удивительно уродливый нос!

Истинное наслаждение получаешь от наблюдений за гиббоном — великолепным лесным акробатом. Глядя на его высотные полеты, можно подумать, что только ему одному ведомы какие-то воздушные тропы и пути, по которым он с такой необычайной легкостью и виртуозностью проделывает свои прыжки.

Однажды недалеко от дороги мы увидели группу деревьев со странными серыми корзиночками. Они висели беспорядочно на верхних ветвях деревьев. Подъехав ближе, мы остановили машины. Китайский и советский ученые, принимавшие участие в экспедиции, рассказали об этих сооружениях. Это были висячие гнезда маленьких птичек — золотоголовых ткачиков. Ткачики — весьма искусные мастера. Они

плетут, вернее, ткнут, свои гнезда из былинки и тонких стебельков. Трудятся птички от зари до зари, и все это для того, чтобы соорудить недоступное для хищников жилище и вырастить в нем свое потомство. Разве можно добраться до корзиночки по тонкой ветке? Конечно, нет. А ведь иного пути для хищника нет. Кроме того, птенцы надежно защищены в этом жилище от жаркого, знойного солнца и от тропических ливней.

Но даже большие птицы, например, птицы-носороги, тоже не доверяют лесу свое потомство. Гнездо они устраивают в расщелине скалы или в глубоких дуплах больших деревьев. Самец замуровывает самку в гнезде до тех пор, пока птенцы не оперятся. Все это время самец приносит пищу и передает ее через узкое отверстие, которое специально для этого оставляет.

За два года, проведенные в Китае, нам несколько раз пришлось побывать в одних и тех же местах. И даже там, в глухих районах, мы наблюдали чудесные, грандиозные превращения. Дорогу через джунгли неоднократно прерывают широкие бурные

реки. В первый раз мы переправлялись на паромках. В период летних тропических ливней реки настолько разливались, что преодолевать их приходилось на неустойчивых лодочках.

Прошло совсем немного времени. Мы вновь оказались на тех же переправах. Каково было наше удивление, когда вместо паромов мы увидели красивые мосты! Мы узнали, что строились они в тяжелых условиях, люди работали при жаре в 40—50 градусов и все-таки сделали мосты за один год.

В бурном строительстве новой жизни, в движении всей страны за быстрый подъем экономики и культуры мы, советские и китайские киноработники, трудившиеся над созданием фильма «Тропой джунглей», делали, конечно, крохотное дело. Но мы отдавали фильму все свои силы, стремясь наиболее полно и выразительно отобразить на пленке природу Китая. Работа наша протекала в самой дружеской обстановке, да это и понятно: ведь нас объединяли любовь к общему делу и искреннее желание сделать все возможное, что было в наших силах.

Кобра и мангуста.

Лемур — ночной зверек.

ГВОЗДИ

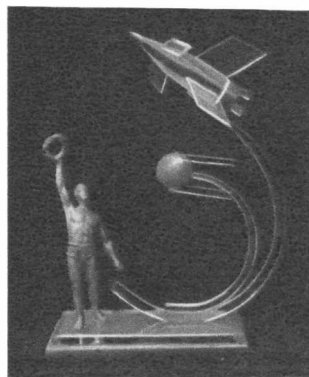
Прямой и стойкий
Парень-гвоздь —
У нас всегда
Желанный гость:
Он прочен
И отточен.
В цеху кузнечном
закален,
Не брезгает на
стройке он
Идти простым рабочим.
Вот этот гвоздь
У нас монтер,
А этот — моторист,
Вон тот — столяр,
А тот — шахтер
(Он крепок
и плечист).
А вон тому гвоздю
пришлось

Держать бесценный груз:
Картину держит этот
гвоздь,
Он деятель искусств.
Выходит гвоздь из-за
кулис,
Серьезный
и подтянутый.
Хоть в списке
действующих лиц
О нем не упомянуто,
Но он на сцене сбился
с ног:
Ведь это гвоздь,
Который
Выносит на себе сапог,
А в сапоге антра!
Немало у гвоздя забот:
По океану он плывет,
Летает в самолете
Прямой и стойкий
Парень-гвоздь.
Да, он хозяин,
А не гость
Везде,
Где труд в почете.
Нам гвозди острые
нужны,
Они малы и не видны,
Но им доверься смело:
Они прочны,
Они верны
И до предела влюблены
В свое большое дело.

СДЕЛАНО
В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Йозеф Гудец сделал из
пластмассы макет перво-
го искусственного спут-
ника и космической раке-
ты. Вместе с фотографией
он прислал нам следу-
ющее письмо:

«В чехословацких жур-
налах я много читал о
советских спутниках, сам
наблюдая за их полетом,
слушал по радио их сиг-
налы. Своими силами я
собрал маленький, 125-мил-
лиметровый телескоп.

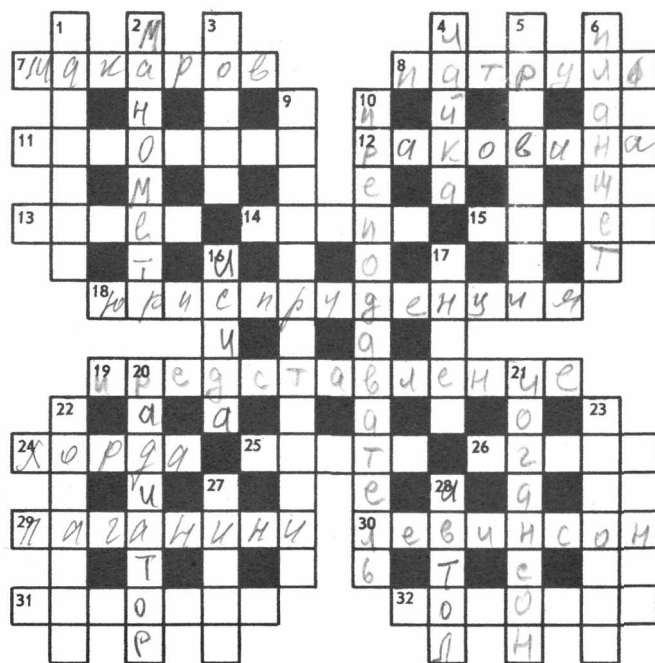
В свободное время зани-
маюсь изготовлением суве-
ниров из пластмассы. По-
сылаю вам фотографии.
Я верю, что в скором бу-
дущем с земли поднимет-
ся ракета с человеком,
который завоюет другие
планеты.
С приветом Я. Гудец.
Кромержиж,
Чехословакия».

ПРИРОДА ЛЕПИТ
И РИСУЕТ

Перед вами фотоснимок
плоской деревянной ми-
ниатюры из куска сосно-
вой коры, очертания ко-
торой уже представляют
определенную фигуру.
Оставалось лишь немного
поработать, чтобы при-
дать ей законченную
форму.

З. КАРАСИК

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Русский флотоводец и ученый. 8. Группа людей, наблю-
дающих за порядком. 11. Бухгалтерская книга. 12. Защитный
покров многих беспозвоночных животных. 13. Порт Греции.
14. Птица семейства ястребиных. 15. Советский поэт. 18. Пра-
воведение. 19. Театральное зрелище. 24. Прямая, соединя-
ющая две точки кривой линии. 25. Река на Дальнем Востоке.
26. Рыба. 29. Итальянский скрипач и композитор. 30. Персо-
наж романа А. Фадеева «Разгром». 31. Город на Украине.
32. Бальный танец.

По вертикали:

1. Историческая драма Проспера Мериме. 2. Прибор для
измерения давления газов и жидкостей. 3. Конструктор
стрелкового оружия. 4. Первый космический путешествен-
ник. 5. Актриса, исполняющая роли мальчиков. 6. Сумка
для карт. 9. Специальность инженерно-технического работ-
ника. 10. Учитель. 16. Древнеегипетская богиня. 17. Солёное
озеро в Казахстане. 20. Теплообменный аппарат. 21. Совет-
ский художник. 22. Радиоактивный минерал. 23. Стихотвор-
ная форма. 27. Фантастическая птица в сказках и памятниках
письменности. 28. Смазочное масло.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

5. Лунник. 6. Лайнер. 10. Ленинград. 12. Комито. 13. Сту-
дия. 14. «Счастье». 16. Ноктюрн. 18. Айсберг. 19. Штамп.
22. Виртуоз. 24. Рейд. 25. Визе. 27. «Дружба». 28. Рекорд.
29. Грободедов. 31. Бирюза. 32. Есенин. 33. Октод. 35. Азот.
36. Тёма. 37. Антоновка. 38. Конкурс.

По вертикали:

1. Вучетич. 2. Витерит. 3. Казачок. 4. Реактор. 7. Диалект.
8. Агроном. 9. Контейнер. 11. Виндроуэр. 15. «Аврора».
17. Юпитер. 19. Шадрин. 20. Астроботаника. 21. Победа.
23. Ежевика. 26. Украина. 29. Газета. 30. «Высота». 33. Остро-
га. 34. Доверие.

ОТКРЫТИЕ МОЖАЙСКОГО УЧИТЕЛЯ

В Можайске, на крутой го-
ре над бородинской дорогой,
возвышается величествен-
ный Никольский собор.
Местный учитель-пенсционер
В. Горохов, пишущий исто-
рию родного города, давно
уже подметил в архитектур-
ном облике собора черты
стиля великого русского зо-
дчего Василия Ивановича Ба-
женова. Однако судные ар-
хивные данные, которые он
разыскал, не упоминают имя
Баженова среди строителей
храма.

Продолжая изыскания,
В. Горохов обратил внима-
ние на любопытную парал-
лель биографии прославлен-
ного русского архитектора с

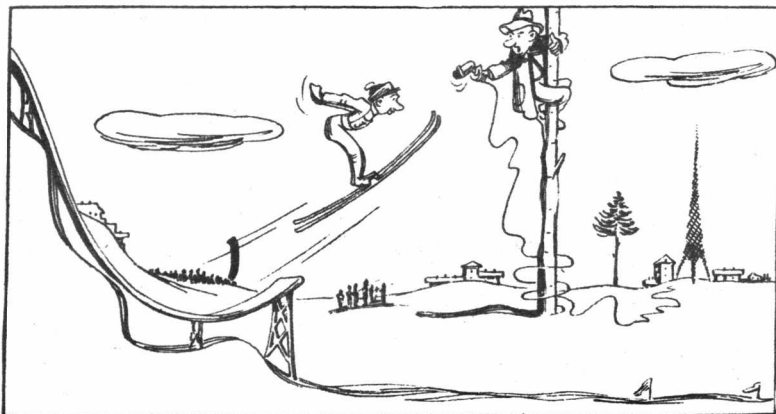
«биографией» сооружения.
Строительство собора пре-
кратилось именно тогда, ко-
гда Баженов впал в царскую
немилость, был отстранен от
архитектурного дела, и во-
зобновилось его учениками
лишь после смерти зодчего.

Все же и этих данных ока-
залось мало для подтвержде-
ния гипотезы. И вот, тща-
тельно исследуя здание, учи-
тель обнаружил на стене изо-
бражение шестиконечной
звезды. Дело в том, что
В. И. Баженов состоял чле-
ном масонской ложи извест-
ного просветителя Н. И. Но-
викова. Эмблемой же масо-
нов была шестиконечная
звезда. Екатерина II, бояв-

шаяся заговора, сочла масо-
нов способными на царе-
убийство, жестоко расправи-
лась и с Новиковым и с Ба-
женовым. Первый был заточ-
ен в крепость, второй на-
всегда отстранен от зодче-
ства. Екатерина приказала
разрушить только что вы-
строенный Баженым двор-
ец в подмосковном Царицы-
не. Вот на руинах этого двор-
ца и обнаружил Горохов знак
масонов — шестиконечную
звезду, которая нигде, кро-
ме как на этом здании да на
Можайском соборе, не зна-
чится и является своеобраз-
ным автографом Баженова.

В. ОСОКИН

НА СОРЕВНОВАНИЯХ

— Скажите, пожалуйста, несколько слов нашим радиослушателям...

Рис. И. Оффенгендена.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ,
Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Урина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33;
Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото —
Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01015. Подписано к печати 11/XI 1959 г. Формат бум. 70×108%. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1562. Заказ 2591.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

НА ОХОТУ.
Фото И. Романова.

Цена номера 3 руб.

